

Роже
Гароди

ПРОМЕТЕЙ

1848

ГОДА

Современная
Зарубежная
ДРАМАТУРГИЯ

ROGER
GARAUDY

PROMÉTHÉE 48

**РОЖЕ
ГАРОДИ**

**П 8 4 8
Г О Д А**

ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ С ПРОЛОГОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА, 1961

Авторизованный перевод
с французского
Г. А П У Х Т И Н А

Предисловие
М. В А К С М А Х Е Р А

ПРЕДИСЛОВИЕ

К образам древнегреческих мифов обращаются в двадцатом веке многие французские писатели. Новая или хотя бы несколько подновленная трактовка самых разных античных сюжетов стала уже своего рода традицией литературы современной Франции, прежде всего драматургии. Возникает любопытный жанр мифологической драмы-притчи; проходящие перед читателем или зрителем целой вереницей знакомые еще со школьной скамьи боги и герои заняты, казалось бы, своими, «античными» заботами, живут своими, «древними» страстями и верованиями, мучатся своими, «извечными» противоречиями; но за всем этим кроется весьма современный смысл. Он, этот смысл, подчеркивается иногда в диалогах лукавыми и многозначительными намеками на события истории отнюдь не древней, оттеняется неожиданным современным словом или бытовой деталью, призванной столкнуть две отдаленные друг от друга эпохи, разрушить иллюзию античного действия; но прежде всего этот смысл определяется авторским идейным

замыслом, трактовкой материала, освещением событий. И если у Альбера Камю образ Сизифа вырастает во всеобъемлющий символ Абсурда, символ бессмысленности бунта против раз навсегда установленного хода вещей и событий, то Сизиф под пером Робера Мерля приобретает черты богоборца и жизнелюбца, для которого застой и бездействие — синонимы смерти.

Маски античной трагедии (нередко выливающейся в трагикомедию) не могут скрыть истинного лица современного автора; напротив, маскарад этот обычно нужен именно для того, чтобы быть узнаваемым, чтобы прозрачная ткань условно мифологических одежд резче обозначила «общечеловеческую» сущность античных конфликтов и, больше того, выявила их связь с важнейшими проблемами современности. Так, следя за всеми перипетиями отношений между троянцами и ахейцами в пьесе Жана Жироду «Троянской войны не будет», мы соотносим происходящее на сцене с вопросами мира и войны в Европе последних трех десятилетий, и на наших глазах античная тема Рока превращается в авторскую горькую констатацию глупости людской, фатально ведущей человечество к войнам. С греческой мифологией связаны сюжеты многих пьес и известного французского драматурга Жана Ануя.

Совершенно иными идейными и эстетическими задачами вызвано обращение к мифологическим мотивам такого художника, каким является Роже Гароди. Крупный философ и социолог, автор многих исторических и литературоведческих работ, один из руководящих деятелей Коммунистической

партии Франции, Роже Гароди известен и как талантливый романист, воссоздавший в книгах «Антей» и «Восьмой день творения» атмосферу антифашистской борьбы народа в годы второй мировой войны и события первых месяцев после освобождения Франции от гитлеровских оккупантов. И вот писатель-коммунист создает пьесу, в центре которой — благородная фигура титана Прометея, принесшего людям огонь и пошедшего на муки во имя счастья людей. Тема Прометея становится у Гароди темой Революции.

Героическая трагедия «Прометей 1848 года», поставленная парижским театром «Аполло», — произведение удивительно своеобразное. Образ Прометея, вдохновлявший различных художников всех эпох, наполнился новым содержанием, совершенно конкретным, можно сказать, реалистическим — и поэтому еще более ярким и символическим. Прометей у Роже Гароди — это само созидание, творчество, революционный взлет, вера в победу. Не порывая с традиционным для демократической литературы прошлого освещением Прометея как тираноборца и творца, писатель углубляет трактовку этого образа; снят мотив жертвенности и страданий (хотя о страданиях народных Гароди говорит мужественно и сурово); Прометей умело вписан в широкую картину революционных битв; легендарный титан становится бойцом на баррикаде.

Но в списке действующих лиц трагедии «Прометей 1848 года» Прометей не значится. Ибо он здесь гораздо больше, чем персонаж пьесы, он — действующее лицо истории, он — народ. Носителями прометеевского неукротимого духа оказыва-

ются живые люди, олицетворяющие собой революционный Париж сорок восьмого года: руководитель восставших рабочих, простой литейщик Пьер Гетре, и его жена Франсуаза, погибающая от пули национального гвардейца, и актер Матье Ферран, исполняющий роль Прометея в пьесе, написанной драматургом Трувером.

Но кто же этот Трувер, которому уделено в пьесе Гароди так много места и внимания? Кто он, этот художник, мнящий себя Прометеем?

Творческая смелость Роже Гароди проявляется, в частности, в том, что в центр идейных и сюжетных конфликтов своей трагедии он ставит образ человека, который на поверку оказывается не героем, а лжегероем, лже-Прометеем. Мятущийся интеллигент, а не мятежный творец, Жан-Батист Трувер, как щепка, закружился в водовороте событий, а ему кажется, что он этим водоворотом управляет. Честолюбивый эгоист, он озлоблен, и мелочное желание отомстить не понявшим его буржуа приобретает в его собственных глазах благородные контуры революционного протеста. Для Трувера «против важнее, чем за»; в революцию его «тянет какое-то безумие»; он брезгливо отворачивается от суровых, обогранных кровью революционных будней, так не похожих на его, Трувера, выпренную декламацию. Он — анархистствующий бунтарь, не понимающий революционных целей, не принимающий революционной дисциплины. «Ты пришел к нам с отчаяния. А мы здесь потому, что верим...» — говорит Труверу актер Матье Ферран. Гароди утверждает, что главное в революции — это ее созидательная мис-

сия, миссия переустройства мира во имя народного счастья. Идейный крах Трувера, в беспредельном отчаянии рыдающего над руинами своих честолюбивых вожделиний, — это крах буржуазно-интеллигентских иллюзий, развенчание истерической половинчатости, весьма характерной не только для иных современников баррикадных боев сорок восьмого года, но в гораздо большей мере для многих западных интеллигентов середины двадцатого века. Пьеса Гароди в этом смысле глубоко актуальна; она является мастерской, философски одухотворенной сатирой на «интеллектуальное» мещанство, которое иногда как будто бы и бунтует против «условий человеческого существования», но «сдается прежде, чем начнется бой».

«Нет, настоящие трагические герои совсем иные!» — эти слова служаки-Циклопа прекрасно характеризуют одну из важных мыслей пьесы. Настоящие трагические герои погибают в революционном бою, погибают в ночи, веря в победу, «как в завтрашний восход солнца», которого они уже не увидят. Именно таковы Пьер и Франсуаза Гетре.

Действие трагедии разворачивается и в салонах контрреволюционной буржуазии, и в лачугах восставших рабочих, и в кабинете писателя, и в театральном зале. Роже Гароди нигде не допускает «прямолинейности», схематизма в распределении света и тени, в характеристике персонажей из обоих классовых лагерей. Он передает различные психологические оттенки, создает различные социальные типы, рисуя либералов и монархистов, священников и толстосумов; он показывает злобную

грызнию внутри контрреволюционного лагеря; но логика развития событий стирает все эти оттенки, и разногласия между либералом Дарьелем и полковником де Берни оказываются ничтожными перед лицом их единодушной ненависти к рабочему Парижу. Это умение в многообразии частных явлений обнаружить ясные линии закономерностей, нарисовать события в движении, озарить это движение своей верой в победу народа придает трагедии «Прометей 1848 года» достоверность исторического исследования и красоту художественного полотна.

Своеобразны в пьесе речи Циклопа; здесь наглядно проявляется творческое новаторство драматурга, который не побоялся ввести в ткань реалистической пьесы элемент театральной условности. Циклоп — это и живой человек, и символ. Он олицетворяет собой дух исполнительности, тупого усердия слуг старого мира; но многое в его афоризмах исполнено тонкой иронии и проницательности. Циклоп понимает, что поступками людей в наше время управляет Политика: это она заменила собою былую Немезиду. Вместе с тем многие скептически-туманные, нарочито зашифрованные прорицания Циклопа опровергаются всем ходом событий, самим пафосом пьесы; они звучат и как пародия на шаманские вопли экзистенциалистов о бессмысленности социального протеста, об абсурдности революционного акта. Циклоп, позволяющий себе поразмышлять над «смыслом истории», вытягивается в струнку перед директором театра, как вышколенный унтер, и этот жест, это «Есть,

начальник!» вдруг обнаруживают внутреннее родство Циклопа с играющим в бунт Трувером...

В трагедии «Прометей 1848 года», верно воссоздающей историческую обстановку июньских дней, почти каждая сцена перекликается с делами и днями Франции современной. Здесь и разоблачение провокационных методов, к которым прибегает реакция, чтобы оклеветать и уничтожить своих идейных противников, здесь и проблемы тактические (например, привлечение демократически настроенных священнослужителей к участию в борьбе с реакцией), здесь и страстный призыв к художникам занять свое место в классовых битвах эпохи.

На стороне Революции — правда истории, на стороне передового искусства, вобравшего в себя опыт прошлых веков, — будущее. Пьеса Роже Гароди утверждает это в полный голос и своим содержанием, и своей формой.

М. Ваксмахер

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Жан-Батист Трувер, *драматург.*

Мария-Тереза Арланж, *его невеста, актриса, исполнительница роли Немезиды.*

Флора, *актриса.*

Матье Ферран, *актер, исполнитель роли Прометея.*

Мсье де Баренн, *директор театра.*

Мадам де Баренн, *его жена.*

Люк Мерлен, *театральный критик.*

Арман Дарьель, *член дирекции театра.*

Дюрок, *буржуа.*

Граф де Берни.

Аббат Дешан.

Пьер Гетре, *литейщик.*

Франсуаза Гетре, *его жена, сестра Матье Феррана.*

Первый зритель.

Второй зритель.

Офицер.

Урсулен, *камердинер в доме мсье де Баренна.*

Циклоп.

ПРОЛОГ

Париж, июнь 1848 года. Улица. Ночь. Светится лишь окно на втором этаже темного здания. Где-то идет перестрелка. Слышна песня, звуки ее постепенно нарастают. Входят Матье Ферран и Люк Мерлен.

Люк *(поет)*.

В моей душе — потоки лавы.
Бери ружье! К чертям покой!
В дыму сражений ищут славы,
Ее не ищут в мастерской.

Я ранен в грудь. Но не грустите —
Такую смерть готов признать.
Что тут поделаешь, скажите?
Со скукой надо воевать*.

Ну, Матье! Хороша серенада? Я пел ее сейчас тем молодцам, что разбирают мостовые и строят бар-

---

* Стихи Э. Потье. Перевод М. Кудинова.

рикады. Они молча посмотрели на меня и продолжили свое дело.

Матье. Париж сегодня в лихорадке. Ему не до песен.

Люк. И не до театра.

Матье (*показывая на освещенное окно*). Трувер не спит. Держу пари, заканчивает своего «Прометей». Через три дня — премьера.

Люк (*смеется*). Как ты наивен! Сейчас, когда народ разбирает мостовые... неужели ты думаешь... разрешат поднять занавес и показывать мятежника, рвущего цепи?

Матье. Все равно двадцать пятого премьера состоится. Откладывать нельзя. Я готов играть роль Прометей хотя на пороховой бочке.

Люк (*хохочет*). Вы оба с ума сошли: и ты, Прометей, и он (*показывает на окно*), Жан-Батист Трувер, знаменитый писатель. А кто его сделал таким? Мои статьи! Я его освободитель... после Геркулеса.

Матье. Трувер как часовой на посту. Какая ночь! Она полна скрытых сил. Эти силы вдохновляют его.

Люк. Какие силы?

Матье (*иронически*). Тебе не понять! Ты ведь стал республиканцем только после падения Луи-Филиппа.

Люк. Не все же, как ты, способны отдать десять лет жизни заговорам и тюрьмам. Объясни мне наконец, что это за силы!

Матье. Когда я смотрел, как люди разбирают мостовые, я вдруг почувствовал эти силы! Они растут. Они захватили и меня своим могучим ды-

ханием. Кажется, будто рядом со мной волнуется чья-то большая душа. Это сильнее, чем голод и бурлящая улица. Это не только выстрелы и тишина. Об этом и написал наш Трувер.

Люк. Скажи-ка лучше, откуда взялись эти силы? От бога?..

Матье. Эти силы у тех, кто объединился.

Люк. Кто объединился?! Ты меня смешишь! Кто же они, эти люди? После февраля у нас три сорта людей: те, у кого было все, а теперь нет ничего, — аристократы, они мечтают о мести; те, у кого сейчас все и кто думает лишь о том, как это все сохранить, — ваши жирные буржуа; и, наконец, те, у кого еще нет ничего, — ваши пролетарии с волчьими зубами. Они опять принялись выворачивать камни из мостовых. Вот что у них в брюхе, у этих «людей»! А где же твой род, Прометей?

Матье. Пойдем к Труверу, в его мир, к его героям.

Матье и Люк замечают Флору. Она в изнеможении припала к двери, скрестив на груди руки.

Флора. А меня там уже нет!

Матье и Люк. Флора!

Флора. Флора? Да. Трувер бросил меня. топчите меня ногами.

Люк. Что вы, Флора! Он вам так обязан: ведь вы заставили его поверить в себя.

Флора. Теперь он гений! Я больше ему не нужна. Вам — тоже...

Матье делает протестующий жест.

Я слышала, Матье, вы говорили о каком-то его мире. Как будто он бог. Не преувеличивайте! Вы знаете правду. Он писал трагедию на античный манер. Это было модно. А после февраля подправил ее: сделал Прометея мятежником. И теперь воображает себя революционером.

Матье. Его хотят чествовать...

Флора. О да! Премьера! Букеты и флаги, дифирамбы и литавры, слова о свободе и освободителе. А он уже готовит речь для вступления в Академию.

Матье. Не это важно сейчас, Флора! Вчера восстали предместья. Сегодня играть «Прометея» — значит сражаться. Трувер нужен нам, и мы не оставим его в одиночестве.

Флора (*преграждает им путь*). Вы говорили о силах жизни. Он не чувствует их... он отрешился от них... (*Плачет.*)

Матье. Флора!

Флора входит в дом.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

На переднем плане — кабинет Трувера. Луч прожектора освещает руки писателя и страницы рукописи. Трувер читает. В глубине сцены возникает картина из его пьесы «Прометей» в стиле древнегреческого театра, наподобие трагедии Эсхила.

ЯВЛЕНИЕ I

Трувер, Прометей, Циклоп.

Циклоп. Прометей, ты прикован и побежден.

Прометей. Против меня — все боги неба и земли!

Циклоп. Ты был среди богов и предал их, призвав к восстанию титанов.

Прометей. Но я освобожусь!

Циклоп. О нет! Твоя вина прощенья не получит.

Прометей. Не милосердие богов освободит меня, а их паденье.

Циклоп. Мудрейшие склоняются пред гневом небожителей.

Прометей. Угодничай и лъсти владыкам. Я ж не променяю своих скорбей на рабство. Лучше быть прикованным к скале, чем стать слугой богов. Я их ненавижу!

Циклоп. Так будь ты проклят!

Прометей. Боги погибнут потому, что я принес на землю искру пламени.

Циклоп. Ну, берегись!

Прометей. Бояться ли тому, кто не умрет!

Циклоп. Да кто же ты?

Прометей. Я — Прометей, я вызвал гнев богов за то, что слишком горячо любил людей. За то, что власть судьбы поколебал.

Циклоп. А разве в мире есть необходимость сильнее, чем воля богов?

Прометей. Да, есть. Она ведет униженного в бой.

Циклоп. Безумный, посмотри на землю! Она населена рабами.

Прометей. Отчаянье, презренье, пытки... Но там живет еще надежда и мятеж...

Циклоп. Трагедия рабов. Не будет ей конца!

Прометей. Будет! Сегодня место мое — среди смертных. С ними я воспряну. Свершится это по воле титанов — моих братьев.

Трувер (*закрывает рукопись, тихо повторяет*). «Сегодня место мое — среди смертных... С ними я воспряну... Свершится это по воле титанов — моих братьев...» Чем боги лучше смертных? Прометей воскреснет. Мое творение вступает в жизнь!

Слышен Гимн радости.

Я В Л Е Н И Е   П

В конце предыдущей сцены входит Флора. Трувер, увидев ее, отступает.

Флора. Это правда. *(Осматривается.)* Здесь иной мир... Меня в нем нет. *(Пауза.)* Посмотри в глаза мне.

Трувер. Что с тобой?

Флора. Это правда! *(Рыдает.)*

Трувер. Кто тебе сказал?

Флора. Ты мне это скажешь. *(Пауза.)* Забыл меня?

Трувер. Флора!

Флора. Как ты тихо говоришь... будто про-
сишь прощения и не надеешься на него.

Трувер. Пожалей меня, Флора...

Флора. Все десять лет я жалела тебя.

Трувер. Сегодня мне особенно трудно. Ты
учила меня строго относиться к искусству. Требо-
вала, чтобы каждая моя пьеса превращалась в
битву.

Флора. ...против тебя, Жан! В мечтах я ви-
дела тебя настоящим писателем. Я не хотела, что-
бы твоя слава начиналась с аплодисментов или
свистков галерки. Ты мне казался художником,
который приносит людям плоды, как дерево, по-
винуясь своей природе.

Трувер. Флора, я выполняю свой долг...

Флора иронически улыбается.

А ты смеешься...

Флора. Тебя снова захватили события и влекут за собой... Но ты сдашься прежде, чем начнется сражение. Я — твоя совесть, не гони меня прочь...

Трувер. Флора, я только художник. Родился художником. Я не могу быть иным.

Флора. Даже для меня!

Трувер. Я должен сделать еще один шаг... против тебя.

Флора. Я мешаю...

Трувер. Ты же знаешь, мне хотелось...

Флора. Молчи! Я все знаю: ты задыхался в сапожной лавчонке отца, стыдился ее, она тебя унижала, была для тебя цепью. А меня любил, только чтоб досадить отцу. Не ради меня... Для тебя свобода — это избавление от того, что ты считаешь унижительным. Твое мелкое бунтарство — совсем не борьба за свободу. Когда я работала в театре статисткой, чтобы ты мог жить и писать, я не мешала тебе. А теперь стала помехой...

Трувер. Есть обязанности...

Флора. Обязанности?.. Пустые слова! Ты притворщик. В тебе нет ничего настоящего. В тебе все напоказ! Твои новые обожатели слепили пустого идола, а ты, как, подогретый воск, переливаешься в подставленную ими форму. И в этом твое призвание? Избалованный ребенок! Твой кабинет похож на греческий храм. Карикатура! Сидишь в нем и толком не знаешь, кто же ты — верховный жрец или сам бог?

Трувер рыдает у ног Флоры.

Посмотри на себя! Небольшой натиск — и ты уже отступил, раскис. Я унижаю тебя. Ты мне этого не простишь.

Трувер. Зачем ты...

Флора. Разве ты любил меня?

Трувер. Наша любовь...

Флора. Ты еще смеешь говорить о нашей любви! Может, ты и не виноват: ты не умеешь любить. Тебе кажется, будто другие тоже без души, как ты! Женщина чувствует это нутром. Когда наши тела сплетались, я чувствовала в моей крови биение твоего пульса. Ты же оставался в своей скорлупе, наслаждаясь лишь моим телом. В твоей ласке не было чувства. Даже в любви бывает одиночество плоти.

Трувер. Перестань.

Флора. Тебя отталкивают мои морщины. Ты уже видишь меня старухой. Я больше тебе не нужна.

Трувер. Флора! Флора!

Флора. Дай мне сказать все до конца. Ты теперь не со мной, мне нечего терять! Ты не знаешь людей и смеешь судить их. Пишешь и поступаешь, как любишь: без сердца.

Трувер (*с негодованием*). Я не позволю...

Флора. Не волнуйся! Я ведь говорю только тебе. Ты мелок потому, что не умеешь любить.

Трувер (*возмущенно*). Довольно! Ты ненавидишь не только меня, но и мое искусство — смысл всей моей жизни.

Флора. Пока не станешь человеком, ты не создашь ничего путного.

Трувер (*в ярости*). Довольно!

Флора (*в отчаянии*). Жан-Батист... Жан...

Трувер. Уходи. Я тебя ненавижу! Ты убиваешь мою веру в себя. Но все равно, я стану большим художником и без тебя. Против твоей воли! Кричи, проклинай меня. Между нами все кончено.

Флора. И десять лет любви для тебя ничто?

Трувер. Я хочу жить, слышишь, жить! И вычеркнуть тебя из моей жизни!

Флора (*машинально*). Из твоей жизни...

Трувер. Да. Мне нужна чистота!

Флора. А я...

Трувер. Мне тридцать пять, а в жизни мужчины настает час...

Флора (*с вызовом*). Настает час, когда его самолюбие требует девственницу. Не так ли?

Трувер. Уходи!

Флора. Да. Ты ненавидишь меня.

Трувер. Хуже...

Флора. Любишь другую? Кто она? (*Пауза.*) Кто она?

Трувер. К чему тебе...

Флора. Я знаю. Это Мария-Тереза! Ты сделал ее актрисой, чтобы потом... Скажи, это она? Ну, конечно! С ней тебе проще быть трусом. (*Пауза.*) Нет, это невысказано! Когда ты обманывал меня, я прощала. Знала: ты нуждался во мне. Но это еще не конец. Ты еще заплачешь от горя и боли, позовешь меня, как ребенок зовет мать. У тебя не было настоящего горя, как теперь у меня. Оно похоже на смерть... (*Глухо.*) Нет! Не хочу умирать, не хочу. Однажды я видела смерть. Закалывали ягненка... Вонзили нож. Бедняжка кричал, он хотел жить. Но этот нож... Я видела,

его глаза расширились... застыли на мгновение... и вдруг подернулись пеленой, тонкие ножки напряглись — и все. Все... Лишь капли крови падали... (Пауза. Пронзительно.) Не хочу! Я не ягненок! Я хочу жить!

Трувер. Флора! Что с тобой?

Флора (овладев собой). Ничего. Не бойся. Теперь мне все ясно: ты пригласил на праздник друзей. С ними ты чувствуешь себя увереннее. Но берегись, эта роль тебе не по плечу. До конца ты ее не сыграешь...

Трувер. Дай мне прийти в себя. Мне нужна внутренняя гармония. Иначе я не сделаю того, чего от меня ждут.

Флора. Видишь, ты говоришь то же, что и я.

Трувер. Вероятно, следы твоих влияний... Извини, ко мне сейчас придут.

Флора. Не бойся. Скандала не будет. Я ухожу. (У двери оборачивается.) Сюда придут друзья, но они тебе не друзья... Тебе нужны «гармония», «чистота»? Это не так просто. (Пауза.) Когда тебе будет плохо, я приду.

ЯВЛЕНИЕ III

В дверях Флора сталкивается с Матье и Люком.

Флора. Безумная... Я забыла, что вы там... Следите за мной, как за раненым зверем... Помогите ему обманывать себя. Я ухожу. Стройте «ваш» мир. (Уходит.)

Пауза.

Трувер. Я счастлив, что именно ты, Матье, будешь играть Прометея. Ты сумеешь показать те смутные силы, что управляют судьбами маленьких людей. Нынче над нами не боги Эсхила и не библейские боги. Возникли новые силы, они зовут нас.

Матье. Я тоже чувствую: в нашей жизни появилось что-то поважнее судьбы. Но ты, Жан, смотри не впадай в мистику!

Люк (*принужденно смеясь*). Не собираешься ли ты вызывать духов?

Трувер. Пойми, Люк, если я не сумею показать эти силы, мне незачем жить.

Пауза.

Люк. Решили играть двадцать пятого?

Трувер. Да. Я отказался отложить премьеру. Мы сыграем «Прометея», несмотря ни на что...

Люк. Берегись, Жан-Батист. Ты на опасном пути. Сейчас играть «Прометея» — значит играть собственной головой.

Трувер. Произведение искусства — это человек, обращенный в будущее.

Матье. Как революция.

Люк. Тогда рискни.

Трувер. Я знаю, теперь мой «Прометей» перестал существовать только в моем сознании, он обрел силу воздействия. Художник всегда в ответе за свое произведение.

Люк. А ты изменился, Жан-Батист!

Трувер. Дело не во мне: кончилась одна эпоха и наступает другая.

Матье. Вот об этом и надо сказать!

Трувер. Сначала нужно сказать, против *кого* и против *чего* ты выступаешь. «Против» важнее, чем «за»...

Матье. О нет! В этом твоя ошибка, Жан-Батист. Она заведет тебя в тупик. Если ты нелюбишь страстно того, что зарождается, во имя чего же ты восстаешь?

Трувер. На этом кончается мой бунт.

Матье. Да, это только бунт. И все же это прекрасно!

Трувер. Если моя пьеса вызовет бой, скажи, могу я рассчитывать...

Входит Мария-Тереза.

Я В Л Е Н И Е I V

Те же и Мария-Тереза Арланж.

Трувер. Бой начался! Мария-Тереза, что ответил директор?

Мария-Тереза. Пришел в ярость. Сказал, что я и в жизни играю роль Немезиды, дурной судьбы...

Трувер (*обнимая ее*). Неважно, Мария-Тереза! Ты здесь, и мне больше ничего не надо. Кажется, будто весь мир вращается вокруг меня.

Матье. Я не уверен, что мир вращается вокруг тебя, Жан-Батист, или кого-нибудь другого.

Люк (*Матье*). Зато я уверен, что сейчас ему действительно «больше ничего не надо». Пойдем, мой друг.

Матье. Мадемуазель... До свидания, Жан-Батист!

Люк и Матье уходят.

Мария-Тереза. Ты прав, мой дорогой: нам больше ничего не надо — ни сражений, ни даже твоей неожиданной славы. Любить только тебя, жить только для тебя!

Трувер. Уйти от сражений, отдаться только любви — это значит погибнуть. Мария-Тереза, ты должна уберечь меня.

Мария-Тереза. Что случилось, Жан? Ты страдаешь.

Трувер. Люди и события разрывают меня. Только с тобой я нахожу себя, свое «я».

Мария-Тереза. Ты похож на глупого мальчика, на мистика... или, скорее, на святого.

Трувер. Животных и богов объединяет то, что они живут — на земле или в сердцах людей. Я же...

Мария-Тереза. Сумею ли я излечить тебя от твоей лихорадки, от этого злого безумия?

Трувер. Да! Потому что ты — это ты! Ты — моя чистота. Возле тебя нет борьбы...

Мария-Тереза. Чистота? Чистота для тебя — это творчество. Забудь о битвах.

Трувер. Разве в этом смысл жизни?

Мария-Тереза. В жизни все проще. Живи открыто, доверься твоей маленькой Марии-Терезе.

Она будет беречь тебя и лелеять твой талант, как мать лелеет ребенка.

Трувер. Мария-Тереза! Ты создаешь меня.

Мария-Тереза. Нет, я тебя открываю.

Трувер. Я стану таким, каким ты меня видишь.

Мария-Тереза. О мой Жан-Батист! В священном писании сказано: Жан-Батист — это предтеча!

ЯВЛЕНИЕ V

Стук в дверь. Входит Дарьель.

Дарьель. Мое почтение, мадемуазель!

Мария-Тереза уходит.

Дарьель (*представляется*). Арман Дарьель! Дорогой мэтр, я пришел по поручению директора мсье де Баренна. Вы знаете, мы решили устроить торжественную премьеру вашего «Прометей». Она должна стать демонстрацией национальных чувств. Но сейчас...

Трувер. Слишком большая честь для меня, мсье!

Дарьель. Никто лучше вас не сумел выразить дух нашего народа.

Трувер. Мне посчастливилось родиться в такую эпоху! Я всем обязан февральским событиями. О них стоит рассказать. Показать единство народа...

Дарьель. Сегодня этого единства уже нет.
Трувер. Позвольте, мсье, пренебречь этим в моей пьесе.

Дарьель. Сожалею, но никто не властен вам это позволить.

Трувер. Вы пришли требовать?

Дарьель. Избави бог, дорогой мэтр!

Трувер. Простите, мы говорим на разных языках. Возможно, я не понял.

Дарьель. Вот факты: сегодня утром, двадцать третьего июня, Париж раскололся на два лагеря. Граница: Монмартр, ворота Сен-Дени, остров Сите и дальше улица Сен-Жак до заставы. Эта линия баррикад разделяет два мира: по одну сторону молча, с отчаянной решимостью поднимаются рабочие. По другую — стоит наша армия и с ней, надеюсь, вся Франция.

Трувер. Повторяю, мсье, эти проблемы выше моего понимания.

Дарьель. Факты есть факты!

Трувер. Но моя пьеса...

Дарьель. Ваша пьеса тоже есть факт и в этих событиях должна занять свое место.

Трувер. Она принадлежит мне.

Дарьель. Но ее смысл...

Трувер. Для меня она имеет лишь тот смысл, какой дала ей февральская революция.

Дарьель. Сегодня мы уже далеки от иллюзий мсье Ламартина. Началась другая борьба!

Трувер. Что мне до нее! Я художник и должен воссоздавать гармонию из диссонансов.

Дарьель. Диссонансы! Слишком мягко сказано! Не диссонансы отделяют красное знамя

предместья Сен-Антуан от пушек национальной гвардии!

Трувер. Диссонансы или противоречия — они во мне и дали жизнь моей пьесе.

Дарьель. Сожалею, мсье, но пьеса уже написана и живет своей жизнью.

Трувер. Это честь для моего «Прометейя»! Какая же роль предназначена ему в сегодняшней борьбе?

Дарьель. Бóльшая, чем вы думаете. Тысячи лет Прометей считают символом бунта против власти.

Трувер. Для меня он...

Дарьель. Мсье, это не имеет значения! В сегодняшней схватке он — сила, знамя! Революция свершилась, но есть люди, которые хотят продолжить ее. С кем вы, мэтр?

Трувер. Это ультиматум?

Дарьель. Что вы!.. Мы ждем от вас только верности самому себе.

Трувер. Повторяю: ваши проблемы не волновали и не волнуют меня.

Дарьель. Независимо от вас и от нас возникает проблема: революция свершилась или она еще только начинается?

Трувер. Для нас, художников, революция не прекращается. Миссия артиста — отрицание.

Дарьель. Я говорю прямо: ваш «Прометей»...

Трувер. Могу ли я сегодня сказать человеку: ты дальше не пойдешь. Совестью не шутят!

Дарьель. С революцией тоже не шутят! Когда цивилизация поставлена на карту...

Трувер. У меня нет ни вкуса к политике, ни таланта быть гражданином.

Дарьель. Вы хотите сохранить свою независимость и настаиваете на постановке пьесы теперь... Так позаботьтесь, чтобы она не была оружием в этой борьбе! Мой дорогой! Такой писатель, как вы, должен быть зрителем в истории, а не актером.

Трувер. Не творить историю, а лишь приспособливаться к ней?

Дарьель. Подумайте. С ответом не медлите. События развиваются слишком быстро и могут нас захлестнуть... Мои друзья, а это и ваши друзья, будут рады видеть вас завтра вечером в салоне мадам де Баренн. Простите, я так грубо потревожил душу художника и человека, но час пробил, надо выбирать.

Занавес

ЯВЛЕНИЕ VI

Декорация пролога. Появляется Циклоп.

Циклоп (*подражая Дарьелю*). «Надо выбирать!.. Надо выбирать!» Они меня смешат. Вы знаете, я уже давно слышу эту песню. Я Циклоп. Это я ковал цепи Прометею. Понимаете, я не судьба. Судьба — это Немезида. Начнем с того, что она не разгуливает по улицам... даже в дни революции. У нее штаб-квартира в другом месте. Так или иначе, в конце пьесы вы ее увидите: без нее ведь не бывает трагедии. Автор знает свое дело! Итак, я

не судьба, а лишь инструмент в ее руках. Нечто вроде унтера от мифологии или заурядного шпи-ка. И уж конечно не министр и даже не префект. Я говорю об этом, чтобы вы поняли: судьба, в сущности, это другие — боги, демоны, люди. А сегодня судьба — это политика. Порой я спрашиваю, а разве не всегда так было? Я уже играл в «Прометее» Эсхила... Правда, это было не вчера... две тысячи (*считает по пальцам*)... две тысячи четы-реста лет... Вам смешно! А мне — нисколько. Я хо-рошо разбираюсь во всех этих драмах. И смотрю на них... несколько свысока. Вот так! (*Смеется.*) Боже, до чего смешно! И тогда, как сейчас, всякий раз говорили: надо выбирать! Надо выбирать! А выбирать-то не из чего! Эту пьесу я еще не ви-дел. И не знаю, понадобится ли я автору и выве-дет ли он на сцену меня, Циклопа? Может быть, и нет. Я так смешно одет, по сравнению с другими. Но я знаю, моя хозяйка — назовите ее как хоти-те, Судьба или Необходимость, в мои времена она звалась Немезидой, — так вот, она велит мне или другому схватить их и, понимают они это или нет, заставить... (*Насвистывает. С видом превос-ходства смотрит на освещенное окно. Ставни за-крываются.*) Я думаю, многие могут исполнить мою роль. И на этот раз, держу пари, мы выигра-ем. Уж я-то знаю: те цепи, что я выковал для Прометея, еще крепки! Ну, а теперь ваш черед. (*Делает гримасу.*) Надо выбирать!.. (*Уходит.*)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Салон мадам де Баренн. Хозяйка дома беседует с Дарьелем и Дюроком.

Дарьель. Я ему сказал, мадам, прямо: надо выбирать!

Мадам де Баренн. Надеюсь, мсье Дарьель, с вашей помощью мы спасем этот большой талант!

Дарьель. Помните его первую комедию «Три грации» в постановке «Театра искусств»? Прекрасно!

Дюрок. Простите, мадам, но, по-моему, сейчас разумнее закрыть окна.

Мадам де Баренн. Вам страшно, мсье Дюрок?

Дюрок. Это не страх, мадам. Как говорят солдаты, дисциплина есть дисциплина. После вчерашней стрельбы по окнам было распоряжение...

Мадам де Баренн. Да, мой камердинер рассказывал... Но, Дюрок, мы в квартале Сен-Жермен, а не в предместьях...

Дюрок. Мадам, мятежники зверствуют... Такого еще не знала история. С февраля мы потакаем наглой черни. А сегодня на баррикадах красуются отрубленные головы... В пансионатах и женских монастырях...

Мадам де Баренн. Прошу вас, мсье!

Дюрок. О! Простите, мадам.

Дарьель. У страха глаза велики...

Дюрок. Я не позволю...

Мадам де Баренн. Мсье, как хозяйка дома, я прошу вас...

Дюрок. Пусть я грубый буржуа, мадам, но я беспокоюсь о вас: мы сидим на пороховой бочке.

Мадам де Баренн (*смеясь*). Какая речь! Вы похожи на депутата Национального собрания.

Дюрок. Не в речи дело. Говорят, городские катакомбы в руках восставших... Если их прижмут, они перережут газопровод, взорвут квартал Сен-Жермен и в темноте устроят такую резню...

Дарьель (*иронически*). Апокалипсис святого Иоанна!

Дюрок. Храбритесь, пока слуга вас не зарезал в вашей же постели. Вчера сынишка моей служанки кричал: «В воскресенье и мы будем есть куриные ножки...»

Мадам де Баренн. О, мсье Дюрок, до этого еще далеко!

Дюрок. Хотел бы верить, мадам!..

Мадам де Баренн звонит. В дверях появляется Урсулен.

Мадам де Баренн. Урсулен, как наши дела? Урсулен. Все в порядке, мадам!

Мадам де Баренн. Как в порядке, если все время стреляют!

Урсулен. Верно, стреляют. Но, говорят, скоро это кончится.

Мадам де Баренн. Армия продвигается?

Урсулен. Не знаю, мадам. Разрешите вернуться на пост?

Мадам де Баренн. Хорошо, Урсулен. Можете быть свободны.

Урсулен уходит.

Его твердость успокаивает. Три дня и три ночи он не спал ни минуты: выполняет домашнюю работу и дежурит на посту перед баррикадами.

Дарьель. В этой верности—вся Франция, мадам.

Мадам де Баренн. Прекрасная Франция художников и поэтов! Мы должны сохранить для нее и Трувера.

Дарьель. Вот именно, мадам!

Мадам де Баренн. Нашими страстями сегодня движет вечная красота!

Дарьель. Как ваша, мадам!

Мадам де Баренн. Ах, Дарьель!.. У меня возник план. На мой взгляд, «Прометей» Трувера — это эпоха в искусстве.

Дарьель. Конечно, мадам!

Мадам де Баренн. Но, увы, родился он в неудачный момент. Сейчас толпа сделает Прометея трибуном. Послушайте, надо устроить... сядьте поближе, Дюрок... спектакль в интимном кругу. Помните, как в храме любви Марии-Антуанетты в Вер-

сале? И провозгласить Трувера богом храма и алтаря. Вам нравится эта идея, Дарьель?

Дарьель. Я в восторге, мадам, но...

Мадам де Баренн. Но?

Дарьель. Боюсь, как бы зверь не порвал ваши сети.

Мадам де Баренн. Ведь удалось же Омфале сломить Геркулеса: она заставила его ткать и прясть шерсть...

Дарьель. Мадам, это превзошло бы мои ожидания!

Мадам де Баренн. Когда вы станете серьезным, Дарьель?

Дарьель. Когда вы, мадам, прикажете.

Мадам де Баренн. Я приказываю. Пора действовать. С директором театра поговорю я. Мсье Дюрок *(делает ему знак приблизиться)*, вы всегда были меценатом.

Дюрок. Увы, мадам... Надо смотреть правде в глаза.

Мадам де Баренн. Что это значит?

Дюрок. Доходы рантье резко упали. Восстание! Закрываются лавки, вести дела все труднее, биржа задыхается!

Дарьель. Свобода — опасная вещь, мсье.

Дюрок. Легко сказать! Сегодня все свободны, но все разорены.

Мадам де Баренн. Вы правы, мсье Дюрок. Но это не должно помешать вам...

Дюрок. Речь не о моих доходах. Подорван государственный кредит. Революция обходится слишком дорого. В тысяча восемьсот тридцатом году первый день мятежа стоил Франции двадцать

миллионов, второй день — сорок, а третий — шестьдесят. Три дня — сто двадцать миллионов... Это бедствие равно потере шестидесяти больших кораблей.

Дарьель. Но принципы, мсье, выше расчетов!

Дюрок. Я защищаю принцип, а не расчет.

Урсулен (*появляясь в дверях салона*). Мадам, мсье аббат Дешан.

Мадам де Баренн. Просите, Урсулен.

ЯВЛЕНИЕ II

Входит аббат Дешан.

Мадам де Баренн. Какой сюрприз!

Аббат Дешан. Простите, мадам, вынужден помешать вам. Я узнал, что сегодня вечером у вас будет писатель Жан-Батист Трувер.

Дарьель (*смеясь*). Неужели, аббат, вы жаждете встречи с этим язычником?

Аббат Дешан. Он хочет мира, а не войны. Для меня сегодня это важнее всего. Кто бы он ни был, он делает божье дело.

Мадам де Баренн. Боюсь, вы пришли слишком поздно.

Дюрок. А я рад, что поздно...

Аббат Дешан. Да простит вас господь! Даже кровь злодеев не радует бога.

Дюрок. Мсье аббат, я такой же католик, как вы, но мне не понятны подобные речи. Чего хотят любезные вашему сердцу бунтовщики? Анархии, пожара, грабежа?

Аббат Дешан. Я не защитник, не судья им, я только священник.

Дюрок. Я тоже не судья, не защитник и даже не священник. Но я хочу справедливости и порядка. Пора задушить бунт негодяев.

Аббат Дешан. Я не поддерживаю ни тех, ни других.

Дарьель. Вы не сможете сохранить равновесие, мсье аббат: чернь будет мстить. Не бойтесь?

Аббат Дешан. Нет. Я стараюсь выполнить порученную мне миссию.

Дарьель. Пребывайте в сладостном сне! А пока Париж покрывается баррикадами...

Аббат Дешан. Если вы разрушите баррикады и не дадите людям хлеба и пищи духовной, они построят против вас новые баррикады...

Дюрок. Чье евангелие, кюре, вы нам читаете? Евангелие от Прудона: собственность — это кража. Я начал с тысячи франков. Двадцать лет подряд работал с четырех утра. И вы вместе с теми посмеете утверждать, что я нечестно заработал мое состояние?

Аббат Дешан. Меня не интересует проблема собственности...

Дюрок. Разве дело только в собственности? Надо восстановить порядок! Пусть даже с помощью русского царя!

Неловкое молчание.

Мадам де Баренн. Мсье Дюрок...

Дюрок (*смущенно*). Простите, мадам...

Аббат Дешан. Я выполняю волю нашего архиепископа монсеньора Аффра: он просит вас,

мадам, и ваших друзей помочь восстановлению спокойствия.

В дверях появляется Урсулэн.

Урсулэн. Мадам, граф де Берни.

Я В Л Е Н И Е   П И И

Входит граф де Берни в форме полковника, кланяется и целует руку мадам де Баренн.

Граф де Берни. Мое почтение, мадам!
Мадам де Баренн. Сегодня день сюрпризов!

Граф де Берни. Я не помешаю вам, мадам?

Мадам де Баренн. О нет, дорогой граф! Это большая честь. Вы так нужны сейчас армии и Национальному собранию! Мы не надеялись видеть вас здесь...

Граф де Берни. Мадам, я занят не только военными сражениями, но и политическими.

Дарьель. Надо полагать, существует и литературный фронт? Неужели и салон друзей искусства — поле боя, достойное вас?

Граф де Берни. Друзья искусства, мсье, тоже умеют плести интриги на либеральный лад. Пытаюсь якобы примирить стороны, они мешают нам, и мы вынуждены с ними бороться.

Мадам де Баренн. Страсти разгораются...

Граф де Берни. Мадам, это серьезнее, чем вы думаете.

Мадам де Баренн. Разве положение столь драматично?

Граф де Берни. Тщетно это скрывать, мадам.

Мадам де Баренн. Вероятно, нельзя у командующего войсками спрашивать...

Граф де Берни. У меня нет от вас секретов. Мы ведем войну. (*Сурово смотрит на Дарьяля.*) В ней не должно быть места интригам. Враг в Париже. Сейчас попустительство равносильно измене. Восстание разгорается. В восточных кварталах чернь разбирает мостовые.

Дарьяль (*иронически*). Этот сброд приводит в трепет артиллеристов и африканских стрелков!

Граф де Берни (*смерив его взглядом*). «Этот сброд» организован. И, увы, нашими собственными руками: плоды глупостей Луи Блана и уступок (*смотрит на Дарьяля*) некоторых либералов. Ваша знаменитая «организация труда» стала организацией бунта, превратилась в стосемитысячную армию.

Дюрок. А сколько у нас войск, мсье полковник?

Граф де Берни. Сила сейчас не в количестве. Наша национальная гвардия способна лишь охранять свои лавчонки. Рассчитывать можно только на регулярные войска. Мы ждем подкреплений из Руана, Амьена, из Бовэ.

Дюрок. Тем лучше! Надо стрелять в этот сброд и прежде всего прихлопнуть главарей.

Граф де Берни. Вот план Кавеньяка (развертывает на круглом столике карту).

Дарьель. План уничтожения Парижа! (Отходит в сторону.) Я позволю себе не наслаждаться этой трагедией.

Граф де Берни (ледяным тоном). Простите. Вероятно, я оскорбляю чьи-то эстетические вкусы. Гораздо удобнее уйти от решительных действий.

Дарьель. Вспомните, полковник, восемьсот пятнадцатый год. Тогда вокруг такой же карты собирались офицеры Пруссии, Австрии и русского царя...

Граф де Берни. Разве вы не знаете, кому служат главари восстания? Англия и, быть может, Пруссия подстрекают их и платят им. Но Париж не станет центром анархии.

Дарьель (показывает на карту). Вы хотите задушить восстание, а вслед за тем — уничтожить республику?

Граф де Берни делает жест негодования.

Мадам де Баренн. Мсье, прошу вас...

Дарьель (графу). Это вы довели до отчаяния сто тысяч рабочих! А теперь пугаете буржуа восстанием, чтобы вернуть короля.

Граф де Берни (невозмутимо). Республика невозможна во Франции.

Дарьель. Вот вы и признались!

Граф де Берни. Франция хорошо помнит великую революцию... В политику впутались тогда пресса, театр...

Дарьель. Не смейте издеваться над свободами!

Граф де Берни. Свободы прогнали. Вспомните, как бесновалась чернь в феврале. Это и было лицо вашей республики, мсье либерал!

Дарьель. Однако, мсье граф, верховный суд, академии, маршалы Франции и, наконец, даже вы спешили приветствовать эту республику.

Граф де Берни. Кто же, кроме нас, мог вернуть стране ее бывшее величие и порядок в то время? Ведь вчерашние либералы — они же завтрашние консерваторы — потакали самым низким инстинктам черни!

Дарьель. С этими демагогами, мсье, я порвал.

Граф де Берни. Чернь дважды посягнула на законную власть: первый раз в феврале — с вами, сейчас — против вас, но с вашими лозунгами. (*Дарьель делает протестующий жест.*) Не отпирайтесь! Таковы факты! Мы хотим спасти вас от хаоса. Не мешайте нам!

Дарьель. Согласен. С этим пора покончить. Но не вашими средствами!

Граф де Берни. С теми, кто угрожает цивилизации, родине и религии, я воюю как с врагами Франции и бога.

Аббат Дешан. Война не может быть священной, если она ведется против бедняков.

Граф де Берни (*аббату*). С кем имею честь...

Аббат Дешан. Августин Дешан, викарий прихода Сент-Элуа в предместье Сен-Антуан.

Граф де Берни. Что вас привело сюда?

Аббат Дешан. Меня послал монсеньор Аффр. Он хочет прекратить кровопролитие.

Мадам де Баренн. Славен бог, вразумивший нашего архиепископа.

Граф де Берни. Примирение сейчас на руку преступникам.

Дюрок. Их надо безжалостно уничтожать!

Аббат Дешан. Я не судья. Только бог — судья! Я видел в моем приходе нищету и горе бедняков, молился за них... а вы называете их преступниками. Те, кому доверено управлять нами, должны договориться...

Граф де Берни. С убийцами наших солдат? Вы странный пастырь!

Аббат Дешан. Я только выполняю волю монсеньора Аффра.

Граф де Берни. Мы уважаем нашего архиепископа, но его слепота прискорбна. Он поощряет парижскую чернь.

Аббат Дешан. Есть силы, мсье полковник, способные выдержать натиск даже самых прославленных армий. Решимость монсеньора — одна из таких сил.

Граф де Берни. Мы не позволим сомнительной тактикой разжигать бунт.

Аббат Дешан. Монсеньор добьется примирения с баррикадами, если правительство этого не сделает.

Граф де Берни. Мы не допустим.

Аббат Дешан. Так будет.

Граф де Берни. Мы напомним архиепископу, что у него и у нас общее дело. Он должен его поддерживать.

Аббат Дешан. Монсеньор защищает божье дело.

Граф де Берни. И мы его защищаем.

Аббат Дешан. Помилуйте, от кого?

Граф де Берни. Вы отлично знаете. В конце прошлого века в предместьях возникли новые идеи. Их цель — свергнуть правительство, отменить законы, подорвать основы общества, угодные богу.

Аббат Дешан. Нарождается новое. Оно не известно нам. Но, может быть, именно это новое станет началом настоящей, правильной жизни.

Граф де Берни. Разные смутьяны и писаки вводят в заблуждение рабочих.

Аббат Дешан. Я не знаю этих учений, но мне знакомы лачуги предместий. Богачи не желают слышать криков несчастных, зато их слышит бог.

Граф де Берни. Напротив, бедняки вовсе не надеются на вашего бога, а хотят хорошо жить на земле.

Дюрок. Терпеть не могу попов-социалистов. Социализм — мораль бездельников. Хороший работник никогда не отдаст того, что имеет, и не возьмет того, что не заработал.

Граф де Берни. Вздор! Я борюсь не за ваши эку, а за мои принципы. (*Мадам де Баренн.*) Простите, мадам, но (*глядя на Дюрока*) присутствие некоторых сейчас неуместно.

Дюрок, бормоча и кланяясь, пятится к двери и исчезает.

Сегодня у нас одна задача: восстановить порядок, уничтожить тех, кто подменил веру сомнением, а мораль — авантюрой.

Аббат Дешан. Горе тому, кто божье слово напишет кровью.

Граф де Берни. Глубокая вера несовместима с терпимостью. Мы боремся не только с врагом, но и с теми, кто нам мешает его уничтожить.

Аббат Дешан. Среди них вы увидите и архиепископа парижского...

Граф де Берни (*поворачивается к аббату спиной, возвращается к карте*). Войска стянуты к Национальному собранию. Солдат нельзя пускать в переулки мелкими группами: они соединятся с чернью, и мы потеряем их. Три колонны направляются...

Входит Урсулен.

Урсулен (*докладывает*). Мсье Жан-Батист Трувер!

Я В Л Е Н И Е   I V

Те же и Жан-Батист Трувер.

Мадам де Баренн. Как жаль, что вы опоздали, мой друг! Граф де Берни показал нам план сражения. Дай бог, милый Трувер, чтоб среди повстанцев не оказалось героев вашей трагедии.

Трувер. Я пришел сообщить, мадам, что не принимаю навязанных мне условий.

Мадам де Баренн. Неужели, мой милый, вы пришли к нам, чтоб объявить войну? Ведь я еще не успела даже представить вас моим друзьям...

Трувер. Вы смутили меня, мадам...

Мадам де Баренн (*смеясь, берет его за руку*). И не думаю. (*Гостям.*) Простим мсье Труверу легкомыслие художника и влюбленного. Он женится на очаровательной девушке! Кажется, она уже перевернула его жизнь. Мужчины создают шедевры, мой дорогой Трувер, а мы, женщины, создаем мужчин... или их губим.

Дарьель. Прекрасно сказано, мадам! (*Труверу.*) И, надеюсь, справедливо по отношению к вам. Мадемуазель Арланж помогла вам...

Трувер. Сожалею, мсье, но вынужден вас разочаровать: решение принято. Завтра премьера «Прометей».

Граф де Берни. Вам не приходит в голову, что ваш «Прометей» может появиться на баррикаде?

Трувер. Имеет ли смысл моему «Прометею» снова надевать цепи, чтоб успокоить квартал Сен-Жермен?

Мадам де Баренн. Мсье Трувер, это слишком!

Трувер. Вы пригласили меня в ваш салон, чтоб одурачить.

Мадам де Баренн. Вы не смеете...

Трувер. Без церемоний, мадам...

Дарьель. Безумие! Отталкивать преданных друзей!

Граф де Берни. Ясность всегда лучше...

Мадам де Баренн. Вы фанатик. Мы защищаем вас от самого себя...

Трувер. Уничтожая мою пьесу?

Дарьель. Нет! Лишь удерживая ее в должных рамках.

Трувер. То есть?

Дарьель. Выбирая время и зрителей для спектакля.

Трувер. И это говорят друзья искусства!..

Дарьель. Мы любим его...

Трувер. И хотите сделать продажной девкой, частью вашего плана? *(Указывает на карту.)* Спасибо. Прометей не удастся завербовать сержантом в ваши войска!

Мадам де Баренн. Как вы могли подумать...

Дарьель. Уйдите от борьбы, и ваша пьеса обретет общечеловеческий смысл.

Мадам де Баренн. Разве не в этом ваш долг?

Дарьель. Вы бы могли больше сделать для искусства в Академии или в министерстве...

Трувер *(смотрит на графа)*. Я не рожден командующим *(поворачиваясь к Дарьелю)*, а тем более — политиком. Я только поэт.

Дарьель. Итак, вы не хотите выполнить нашу просьбу?

Граф де Берни. И вы говорили об отечестве, для которого мы должны жертвовать всем!

Трувер. Ради него я могу пожертвовать жизнью, но не истиной.

Дарьель. Восхищаюсь вашей непримиримостью. В вашей горячности я узнаю свою юность. Но...

Трувер. С таких «но» начинается капитуляция.

Дарьель. Наступает час, когда следует внять голосу благоразумия: подавить свою гордость ради общего дела.

Трувер. Какого дела?

Граф де Берни. Защиты власти в интересах общего порядка.

Дарьель. Художнику дороже всего гармония.

Трувер. Какое лицемерие — выдавать личную выгоду за интересы родины и искусства!

Дарьель. У вас гордость превышает всего! Вы идете против всех.

Трувер. Стадом ходят бараны.

Граф де Берни. Повторяете Марата. Ну что ж, выбирайте: служить или предавать.

Трувер. Кого... что предавать?

Граф де Берни. Родину, искусство. Поймите, ваша позиция — предательство!

Трувер. Значит, выступать против ваших планов — предательство? Тогда я предатель.

Аббат Дешан (*в сторону*). Господи, пошли ему силы...

Дарьель. Мы не посягаем на вашу свободу.

Трувер. Такая свобода мне не нужна! Я выполняю свою миссию!

Граф де Берни. Значит, война?

Трувер. Война.

Дарьель. Подумайте.

Аббат Дешан (*в сторону*). Помоги ему, боже!

Трувер. Еще вчера вы настаивали, чтоб я не вмешивался. Сегодня же вы требуете моего участия в этой борьбе. Но только на вашей стороне...

Аббат Дешан (*тихо*). Господи, укрепи его!

Граф де Берни. Я исполняю свой долг.
Трувер. А я — мой!

Граф де Берни. Мы не допустим.

Трувер. Я принимаю вызов и отвечу ударом на удар!

Занавес

Я В Л Е Н И Е V

Перед занавесом появляется Циклоп. Потом входит директор театра мсье де Баренн.

Циклоп. Я же говорил! В трагедии всегда так... Кто-то хочет изменить участь людей. В мое время это был Прометей. Потом появились другие: те, кто устроился или хочет устроиться. Судьба — это они. Я служил им при всех режимах. В медвежьей шкуре Циклопа... в шлеме рыцаря королевской гвардии... в голубой каске или в гренадерской шапке при Наполеоне я всегда патрулировал эти улицы. Мы вместе давим на Прометея: я связываю ему руки, а мой приятель орел клюет его печень. Вот сейчас восемьсот сорок восьмой год. Но ничего не изменилось. Вы скажете: этот Трувер лезет на рожон. Ладно! Видали мы таких! Ему придется пройти через это... Хотите знать, что я имею в виду? После первого акта я вам говорил: в наши дни судьба — это политика. Признаю, она проворнее, хитрее и сильней старухи

Немезиды. Говорят, политика завладела людьми. Потому что, знаете, политика...

Мсье де Баренн (*сердито*). Послушайте, вы! Кого интересует ваше мнение?

Циклоп. Мсье директор...

Мсье де Баренн. Политика! Политика! Они и без вас будут твердить в антракте: пьеса — сплошная политика. Вам, однако, человеку бывалому, пора, черт возьми, усвоить за такой долгий срок...

Циклоп (*настораживаясь*). Две тысячи лет, начальник!

Мсье де Баренн. Тем более! Следует знать, Циклоп: политиканы, притесняющие народ, делают вид, будто ненавидят политику и обвиняют в политиканстве своих противников.

Циклоп (*вытянувшись по стойке «смирно!»*). Есть, начальник!

Мсье де Баренн. Ладно, теперь убирайтесь. Вас позовут, если понадобится.

Циклоп. Подайте знак, начальник, и я здесь! Я тоже (*изображает Трувера*) принимаю вызов и отвечу ударом на удар!

Циклоп и мсье де Баренн уходят.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Кабинет Трувера.

ЯВЛЕНИЕ I

Мария-Тереза и Жан-Батист Трувер рассматривают макет декорации «Прометей».

Мария-Тереза (*испуганно*). Ты уверен, что начал справедливую войну?

Трувер. Поздно спрашивать.

Мария-Тереза. Мне хочется вытащить тебя из этого водоворота.

Трувер. У меня нет дороги назад.

Мария-Тереза. Впереди тоже нет. Ее надо еще проложить.

Трувер. Если б она и была, по ней бы я не пошел. Наконец-то я не сражаюсь с призраками. Мой ум создал нечто реальное.

Мария-Тереза. Я боюсь за тебя: ведь ты не гладиатор!

Трувер. А я верю в силу моего творения. Не уводи меня от жизни!

Мария-Тереза. Смысл твоей жизни не в сражениях.

Трувер. Я не стремился к борьбе. Но раз они отнимают у меня право творить, не участвуя в их игре...

Мария-Тереза. Ты можешь еще спастись!

Трувер. Как?

Мария-Тереза. Достаточно лишь...

Трувер. Молчать?! Притворяться?! Нет! Молчание — ложь, соучастие.

Мария-Тереза. Только молчание может спасти твое будущее. Пройдет гроза, и ты, великий Трувер, станешь их презирать.

Трувер. Молча... А себя презирать за молчание! Нельзя творить, не уважая себя. Нужна гордость.

Мария-Тереза. Тогда конец твоему творчеству. Они тебя раздавят. Матье обошел редакции всех газет. Никто не хочет печатать твое письмо. Напрасно ты написал, что «Прометей» — это призыв к примирению. Они тебе не дадут работать.

Трувер. Думаешь, я не понимаю?

Мария-Тереза. Тебе известно, что ни один владелец театра не разрешил играть твою пьесу? Смотри правде в глаза: Париж покрыт баррикадами. Участвовать в этой борьбе — донкихотство.

Трувер. Правда на моей стороне.

Мария-Тереза. Что такое правда без силы?

Трувер. Во имя чего же работать, если отказаться от правды?

Мария-Тереза. Они раздавят тебя.

Трувер. Хочешь, чтоб я унижался?

Мария-Тереза. Самое большое унижение— не свершить того, для чего родился.

Трувер. Значит, надо отказаться?

Мария-Тереза. Вспомни, даже в «Прометее» Эсхила есть момент, когда титан, преодолев свою гордость, склоняется перед могуществом богов. Эсхил учит нас побеждать себя.

Трувер. Ты же знаешь, я избрал другой путь — бунт Прометея. «Да не кончатся скорби мои, пока Зевс не утратит власти».

Мария-Тереза. Надо понять обстановку и тогда выбрать свой путь.

Трувер. Ты говоришь, как они: понять! У них это — согласиться и сдаться. Говорят, и собака понимает, если бежит на зов хозяина и ложится у его ног. Понимать! Выбирать! У них это— пресмыкаться.

Мария-Тереза. Не воюй с ними. Ты будто на краю пропасти: голова кружится, страшно и тянет вниз. Но я удержу тебя.

Трувер. Если я уйду от этой борьбы, я буду чувствовать себя предателем.

Мария-Тереза. Ну что ж!

Пауза. Трувер удрученно смотрит на макет.

Ты погибнешь и погубишь свою пьесу. (*Приближается к макету.*) Она вот-вот должна была ожить. Твоя идея уже обретала плоть. С какой лю-

бовью мы создавали эти чудесные декорации! Влюбленные, мы мечтали возле этих гор. И воевали с де Баренном, чтобы сохранить световые эффекты на скале, где приковывают Прометей. *(Освещает макет, нежно обнимает Трувера).* А примерка костюмов... *(Смеется.)* Шитое серебром одеяние Немезиды... для маленькой Марии-Терезы, твоей королевы, как ты говорил!

Трувер *(внутренне побежденный, но все еще сопротивляясь)*. Мария-Тереза, пойми меня!

Мария-Тереза. Я понимаю тебя лучше, чем ты. Знаю, в чем твоя сила. Знаю, что ты должен еще сказать. Сохрани себя для твоей миссии.

Трувер *(растерян)*. Я больше не могу... *(Судорожно хватает руку Марии-Терезы.)*

Мария-Тереза. Милый, не жертвуй из гордости талантом, славой и, наконец, мной. Падая, ты тянешь за собой и меня...

Трувер. Мария-Тереза! Мария-Тереза! Чего ты хочешь? Скажи, что мне делать? *(Склоняет голову ей на грудь.)*

Мария-Тереза. Ты знаешь.

Трувер. Я пойду... пойду... О! Это невозможно!..

Мария-Тереза. Тогда я скажу им.

Трувер. Да, скажи... скажи им... Я так люблю искусство, что... неправда!.. Я люблю тебя больше. Не знаю... я согласен. Иди, иди скорее!

Мария-Тереза *(надменно)*. Разве ты в чем-нибудь виноват? Ты сделал выбор.

Сильный стук в дверь. Мария-Тереза открывает. Тяжело шагая, входит Матье. Продолжительное молчание.

Мария-Тереза минуту колеблется, затем быстро уходит.

ЯВЛЕНИЕ II

Трувер и Матье Ферран.

Матье. Черт возьми! Нельзя даже пройти! В двухстах метрах отсюда, перед мэрией девятого округа гора трупов выше баррикады. Это война на истребление! Слышишь, Жан-Батист? (*Трувер качает головой.*) Что с тобой? Ты подавлен?

Трувер. У них есть цель жизни. Может быть, завтра они умрут вместе со своими, а я... где «мой»?

Матье. Что ты говоришь?

Трувер. Не знаю. Волна уносит меня...

Матье. Жан-Батист, не верю я в твою утопию. Искусство не может существовать над борьбой.

Трувер. Думаешь, я в это еще верю?

Матье. Ты же бросил вызов!

Трувер. Да, но устою ли я?

Матье. Мы поможем тебе.

Трувер. Матье! (*Берет его за руку.*)

Матье. Если напомнить некоторым, что...

Трувер. Мы побеждены.

Матье. Отказ от борьбы — это и есть поражение.

Трувер. Не терзай меня, Матье!

Матье. Ты должен участвовать в борьбе!

Трувер. Я не борец.

Матье. Мы сражались за тебя.

Трувер. Знаю, знаю...

Матье. Перед нами закрылись все двери.

Трувер. Нас заставили молчать.

Матье. Похоже, что ты трусливо утешился неудачами.

Трувер. Прости меня, Матье!

Матье. Ты бледен, Жан-Батист. Эту бледность я уже видел на лицах некоторых наших друзей, когда призывал их поддержать тебя...

Трувер. Что ты сделал, Матье? Они придут сюда, ко мне...

Матье. Ты боишься встретиться с ними?

Трувер (*приглушенным голосом, затем все сильнее и сильнее*). Мария-Тереза!.. Мария-Тереза!.. Позови, найди ее. Скажи ей...

Матье. В чем дело, Жан-Батист? Успокойся!

Трувер. Нет! Матье, я дезертир, я ренегат! Я сдался... я погиб. Слышишь? Но разве им принадлежит мой талант?

Матье. В чем дело? Объясни мне.

Трувер. Мария-Тереза пошла им сказать...

Матье. Что сказать?

Трувер. Что я обязуюсь...

Матье. Какое еще обязательство?

Трувер. Самое подлое — молчать!

Тревожный стук в дверь.

Нет! Нет! Я не хочу видеть Терезы. Не хочу ее видеть, не хочу! (*Закрывает лицо руками.*)

Матье медленно идет к двери. В комнату входит взволнованный аббат Дешан.

ЯВЛЕНИЕ III

Трувер, Матье Ферран и аббат Дешан.

Аббат Дешан. Они убили монсеньора!

Матье. Что вы говорите, мсье аббат!

Аббат Дешан. Убили архиепископа!

Матье. Кто убил?

Аббат Дешан. Вы должны нам помочь.

Матье. Разрешите узнать...

Аббат Дешан. Позавчера, двадцать третьего, он причащал в церкви Сент-Этьен дю Мон. В это время вокруг начали строить баррикады. И монсеньор был вынужден провести ночь в коллеже Генриха IV.

Матье. Мсье аббат, избавьте нас от деталей.

Аббат Дешан. Какие же это детали, мсье! Я сам видел архиепископа. На другой день, отслужив мессу, он преобразился. На него сошла божья благодать. И он пошел говорить с народом, чтобы восстановить мир.

Матье. Несмотря на приказ генерала Кавеньяка?

Аббат Дешан. Вопреки ему. Я сопровождал монсеньора. Мы шли через Арсенальную площадь. Мимо проносили раненых. Он останавливался и отпускал грехи. На площади Бастилии монсеньор добился прекращения огня. Наступила тишина. Он взошел на баррикаду. Казалось, мир близок. Народ окружил нас кольцом. Монсеньор поднял крест и сказал: «Друзья мои, услышьте меня!» — и тотчас упал, сраженный

пулей. Эту пулю послали не с баррикады... Я и сейчас слышу его предсмертные слова: «Пусть моя кровь будет последней пролитой кровью!..»

Матье. Они убили надежду на примирение!

Аббат Дешан. Неправда! Дело монсеньора не умерло с ним!

Матье качает головой.

Умоляю, мсье! Не знаю, что еще можно сделать. Я только бедный священник. *(Труверу.)* Вы — сила. Нельзя допустить, чтобы наказывали побежденных. Не говорите мне, что это невозможно! Пусть нас победят, убьют, как монсеньора! Но мы должны сказать, что примирение без расправы возможно!

Трувер *(решительно)*. Мы это скажем!

Стук в дверь.

Матье *(громко)*. Войдите!

Я В Л Е Н И Е IV

Входит директор театра мсье де Баренн, он ждет, пока уйдут Матье и аббат Дешан. Неловкое молчание.

Мсье де Баренн. Мадемуазель Арланж принесла мне добрую весть. Поздравляю! Я не сомневался в человеке вашего ума и таланта.

Трувер. Все готово?

Мсье де Баренн. Мадемуазель Арланж сказала, что вы решили...

Трувер (*резко*). Играть завтра!
Мсье де Баренн. Поговорим спокойно.
(*Садится.*)

Трувер. Мы будем играть...

Мсье де Баренн. Решено! Будем играть.
Но только... когда позволит обстановка.

Трувер. Да, конечно! Когда Париж зальют кровью! Послезавтра пьеса прозвучит совсем иначе: как победный гимн в честь убийц! (*Кричит.*)
Нет! Нет! Нет!

Мсье де Баренн. Не сходите с ума!

Трувер. Об этом нужно кричать!

Мсье де Баренн (*иронически, бесстрастно*). Тогда кричите в окно.

Трувер. Момент не для шуток!

Мсье де Баренн (*зло*). И не для провокаций!

Трувер. Все сводите к политике. Моя сфера — искусство. Я показываю тот смысл жизни, который оно несет в себе.

Мсье де Баренн. Посмотрите, что происходит на баррикадах, и вы поймете их «смысл жизни». Они хотят разрушить наше общество. Кара ожидает и тех, кто им помогает.

Трувер. А кто собирается им помогать?

Мсье де Баренн. Талант писателя не спасет вас...

Трувер. Знаю.

Мсье де Баренн. Законы—для всех. Для художников нет особых законов. Вы играете с революцией. Берегитесь! Жизнь не спектакль: здесь умирают и уже не встают, когда опустится занавес...

Трувер. Хочу, чтоб мой театр был похож на действительность, а жизнь — на мой театр!

Мсье де Баренн. Да. Но наступает момент, когда жизнь бурно врывается в ваш театр, а театр слишком активно вмешивается в жизнь.

Трувер. Я давно ждал часа, когда мой вымысел станет правдой. (*Иронически.*) В этот час предатель сбрасывает маску.

Мсье де Баренн. Берегитесь!

Трувер. Я уже ничего не боюсь. Теперь событиями движет внутренняя необходимость, как в хорошо сделанной пьесе, как в жизни. Кто-то из нас будет уничтожен: вы и ваши или я и мои!

Мсье де Баренн. Ваши? А кто ваши?

Трувер. Друзья Прометея! Того, кто принес на землю огонь.

Мсье де Баренн. Но вы совсем не похожи на бунтовщика!

Трувер. Похож: я ведь расстраиваю вашу игру.

Мсье де Баренн. Вечная Эсхилова драма! Как знаток трагедии, я восхищен вашей непримиримостью.

Трувер. Замолчите! Вы мне противны.

Мсье де Баренн. А вы мне нравитесь!

Трувер. Ваши льстивые речи...

Мсье де Баренн. О нет! Как это прекрасно! Судьба, необходимость, бунтовщики там на улице и здесь... Я говорю с вами, как отец. Поверьте моему опыту: я знал талантливых авторов, готовых дать бой всему миру в первой пьесе. Скольких львят я приручил! Если я назову имена, вы удивитесь! Вспоминаю, как они входили

в мой кабинет, сжимая в руках рукопись, точно бомбу. Им было по двадцать лет. Теперь они восседают в Академии. И знают, чем мне обязаны.

Трувер. Напрасно вы...

Мсье де Баренн (*усаживая Трувера*).
Послушайте меня: существует театр и жизнь. У жизни свои требования.

Трувер. Я их отвергаю. (*Встает, хочет уйти.*)

Мсье де Баренн. Уходите?

Трувер. Вы слишком умны, чтобы не понимать, и слишком развращены, чтобы верить.

Мсье де Баренн. А вы? Во что вы верите?

Трувер. В человека!

Мсье де Баренн. Думаете, историю двигают те, на чью мельницу вы льете воду?

Трувер. Не знаю.

Мсье де Баренн. Вы их видели?

Трувер. Да, видел.

Мсье де Баренн. А тех, кого они расстреливали?

Трувер. Нет. Но даже если б я видел...

Мсье де Баренн. Старый аргумент: идея, великая историческая необходимость — выше любых преступлений бунтовщиков. Ради нее вы прощаете им все, даже злодеяния.

Трувер. Ваш аргумент мне тоже известен. Вы веками угнетали рабов. Когда же они наконец рвут свои цепи, в них проявляются те пороки, которыми вы же их наградили. И вы еще рычите: они-де не достойны свободы...

Мсье де Баренн. Ради этого сброда жертвовать собственной шкурой!

Трувер. Нет.

Мсье де Баренн. Тогда ради кого?

Трувер. Ради себя.

Мсье де Баренн. Хотите умереть во что бы то ни стало?

Трувер. Нет, хочу жить.

Мсье де Баренн. Я ведь живу.

Трувер. Как баран в стаде...

Мсье де Баренн. Ну, знаете, это слишком...

Трувер. Я выполняю свой долг.

Мсье де Баренн. Могу вам помочь.

Трувер. Да, вы многое можете: раздавить меня, запретить играть мои пьесы, донести на меня полиции... В вашей власти помешать, сказать «нет»... Но вы не можете создать ничего нового. Потому что вы — прошлое. Вы то, что разваливается, умирает...

Мсье де Баренн (*насмешливо*). А вы — созидатель. Не так ли? Вы всемогущи, как бог?

Трувер. Ваш мир — это мир унижений! У вас нечистая совесть. О, если бы вы могли посмотреть на себя! На что вы похожи! Бледный, осунувшийся, дрожите... Ваша совесть как зверь, бушующий в клетке.

Мсье де Баренн. Для вас я сатана! А? Не способный созидать... В отчаянии все разрушаю, стремясь стать всемогущим.

Трувер. Даже не это.

Мсье де Баренн (*саркастически*). Но вам ведь нужен сатана, чтобы иметь чистую совесть. Мы поддерживаем порядок, а вы порхаєте, презирая нас, как презирают служанку за то, что

она запачкала руки, убирая ваш дом. Думаете, я не вижу, что загнивает наш «порядок», как вы говорите, или наш «класс», как они говорят. Думаете, мне нравится, когда убивают людей лишь за то, что они надеются на лучшее? Нет! Но это необходимость.

Трувер. Вы объяснили мне природу трусости.

Мсье де Баренн. Перестаньте! Откажитесь от действий или действуйте, отвечая за последствия... Я хочу, чтобы вы меня поняли.

Трувер. А я не хочу. Понять — значит согласиться с правилами вашей игры, войти в нее, приспособиться к ней.

Мсье де Баренн. В этой мельнице у меня свободы не более, чем у жернова. Но и у вас — не больше, чем у зерна, которое он размалывает!

Трувер. Я по крайней мере борюсь с необходимостью, а вы продаетесь ей!

Мсье де Баренн. К счастью для вас, есть люди, как я, продавшие свою душу. Значит, вы не понимаете, что происходит во Франции после февральской революции?

Трувер. Мне не понять ваших расчетов, я не гожусь для ваших комбинаций.

Мсье де Баренн. Удобная позиция.

Трувер. Однако ради меня вы не станете себя компрометировать.

Мсье де Баренн. Компрометировать! Какая наивность! Да я всю жизнь только и делал, что компрометировал себя. Когда мой отец в семьсот девяносто первом году бежал от революции сначала в Кобленц, а потом в Лондон, я уже

был либералом, слегка фрондировал вместе с Филиппом Эгалитэ, отцом нашего Луи-Филиппа. Один из моих предков, Лионель де Баренн, играл в ту же игру с Людовиком XIII. Волнующая авантюра: сын аристократа перешел к санкюлотам! Это момент, как, знаете, у Шекспира в «Антонии и Клеопатре», когда «боги перешли в другой лагерь». А потом было все остальное: Бонапарт, Реставрация, Три Славных Дня в июле восьмьсот тридцатого года... Я шел своим путем.

Трувер. Как будто он был начертан в вашем гороскопе: либерал между двумя кошмарами — реставрацией и революцией.

Мсье де Баренн. Вы меня презираете? А вам не предначертан ваш путь? При Луи-Филиппе вы писали пьесы в античном духе: современные темы и сатира были слишком опасны. В феврале вам почудилось, будто вы свободный человек! С тех пор вы стали писать иначе. А теперь вдруг хлоп — и вы в тупике. Козни истории!

Трувер. Неправда, Баренн!

Мсье де Баренн. Не храбритесь! Это театральный прием, я его знаю.

Трувер. Нет! Я видел театр: однажды наблюдал за юношей во втором ряду. Как блестели его глаза. Он сжал руку своей подружке; у нее глаза были полны слез. Моя пьеса открыла ему смысл жизни, он ощутил какую-то перемену в себе.

Мсье де Баренн. Из романа, мой мальчик! Я тысячи раз смотрел в зрительный зал. А ты больше никого не увидел, кроме этого парня? Вот сидят старые греховодники с жабыми глазами. Они жадно следят за движениями актрисы:

вдруг случайно расстегнется корсаж или упадет... Дальше — пара разбогатевших буржуа ждет полуночи, чтобы ехать вкушать свой суп «о'фромаж». А вон там гуляки пришли развлечься и покрасоваться в моем зале, перед тем как отправиться в шикарные бордели. *(Зло смеется.)*

Трувер. Вы лжете!

Мсье де Баренн. Такова, мой мальчик, твоя публика. Она только и ждет, что ты пощечешь ей брюхо любовной историйкой.

Трувер. Вы лжете! *(Хватает директора за горло.)*

Мсье де Баренн *(бесстрастно)*. Лгу? Тогда почему же это так глубоко тебя задевает?

Трувер. Негодяй!

Мсье де Баренн. Реплика из мелодрамы! *(Отталкивает обескураженного Трувера.)* Я показал тебе публику. Ты видишь только сцену, да еще при зажженной рампе. А кулисы, касса, театральная кухня *(мрачно смеется)*.

Трувер в прострации.

Не отвечаешь? Ты видел все это? А?.. Каково?

Пауза.

(Отчески обнимает Трувера за плечи.) Я тоже знал такие порывы. Был молод, унижен. Тоже хотел мстить. И я нашел средство — не подниматься над вещами, а понять их суть. Все подчинено их логике, а не твоей. Логика вещей — это логика истории, необходимость.

Трувер *(тихо)*. Разве это необходимость? Это же рутина! Она день за днем, как шестеренки в машине, зубьями рвет меня в клочья! Серые, пустые дни похожи один на другой, как бильярдные шары. Их трудно отличить друг от друга. И все это катится и течет. словно песок. Как в песочных часах, Клепсидра...

Мсье де Баренн. Полно, мой милый. Вспомни: Прометей...

Трувер *(выпрямляясь, кричит)*. Нет, не могу молчать! Вам бы хотелось, чтоб я замолчал сейчас, а потом навсегда! Чтобы я вошел в вашу игру! Это хуже, чем задушить. Нет! Лучше не видеть таких людей, как вы!

Мсье де Баренн *(кричит)*. Довольно! Игру веду я. К черту контракт! Вы не будете играть на моей сцене!

Трувер. Найдем другую! И будем играть назло вам, против вас и всех ваших!..

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Зал благотворительного общества.

ЯВЛЕНИЕ I

Два зрителя в первом ряду.

Первый зритель. Ты платил за билет?

Второй зритель. Вот еще! *(Показывает свисток, свистит.)* А ты?

Первый зритель. Я? Вот мой билет. *(Вынимает дудку и дует в нее. Оба смеются.)*

Второй зритель. Ты знаешь, что здесь будет?

Первый зритель. Да.

Второй зритель. Что?

Первый зритель. Вот что. *(Свистит.)*

Второй зритель *(смеясь)*. И вот. *(Дует в дудку.)* А зачем?

Первый зритель. Кажется, актеры — переодетые мятежники! Говорят, позволь им играть, так они станут швырять бомбы.

Второй зритель. Мы им покажем!

Оба орут, надрываясь от крика.

Первый зритель. Сколько тебе заплатили?

Второй зритель (*щелкая языком, подбрасывает монету в руке*). Целый эю!

Первый зритель. Мне тоже. Если они здесь каждому дали по эю — значит солидные люди.

Второй зритель. Да, уж наверное, игра стоит свеч: актеры, видно, отменные негодяи, раз нам платят такие деньги!

Первый зритель (*указывает на директорскую ложу возле сцены, куда только что вошли мсье де Баренн с женой, Дарьель, Дюрок и Люк Мерлен*). Молчи. Веди себя прилично. Видишь, наши хозяева.

Я В Л Е Н И Е   П

Те же, мсье де Баренн, мадам де Баренн, Дарьель, Дюрок и Люк Мерлен.

Мсье де Баренн (*снимая перчатки, с усмешкой осматривает сцену и зал*). Трувер делает успехи: публика, достойная санкюлота!

Дюрок. Удивляюсь, кто ему сдал этот храм?

Люк. «Подвиги» нашего кюре, неожиданно-го поклонника Трувера. Аббат Дешан выхлопотал зал у благотворительного общества.

Дарьель. До чего дошел аббат! Он способен появиться на баррикадах в красной сутане или даже среди комедиантов в шутовском колпаке.

Мадам де Баренн (*иронически*). Пути господни неисповедимы.

Дарьель (*тем же тоном*). К богу идут разными путями.

Дюрок. Вы считаете этот путь достойным священника?

Мадам де Баренн. Не сердитесь, Дюрок. Это шутки. Мы ведь пришли на комедию...

Дарьель. ...и сыграем в ней нашу маленькую роль.

Мсье де Баренн (*громко, оглядывая первые ряды*). В самом деле комедия! Опаздывают на четверть часа. Безобразия! Почему не начинают?

Первый зритель (*как по сигналу*). И правда, черт возьми, почему не начинают?

Второй зритель (*скандируя*). На-чи-най-те! На-чи-най-те!

Появляются актеры. Голоса в зале: «Наконец!.. Тише!..»

Я В Л Е Н И Е   I I I

Те же и Немезида, Циклоп и Прометей.

Немезида. Вы слышите крики, бороздящие небо пустынное? Это коршун требует жертвы. Скорее прикуйте к скале титана восставшего. Боги так повелели. Циклоп, повинуйся.

Циклоп. Повинуюсь, грозная Немезида. Боги всемогущие, вы победили.

Немезида. Свяжи Прометея.

Циклоп. Я повинуюсь. Подавлен мятеж. Руки мои Прометея сковали цепями, вместе с ним я цепями сковал и надежды мои.

Немезида. О чем смеешь ты, раб, сожалеть?

Циклоп. О гибели моих надежд.

Прометей. Спасибо, брат. Немезида! Ты слышишь, я не побежден, если мысль о свободе живет в их сердцах.

Немезида. Берегись, Прометей! Сломлен твой бунт.

Прометей. Но я не склонюсь перед богами. Вы можете приковать мое тело, но память о Прометее и пламень надежды, мною зажженной в сердцах людей, будут жить вечно.

Немезида. Мы развеем надежду, как растоптали тебя, Прометей.

Дюрок (*аплодирует в ложе*). Хорошо сказано. Мятежников...

Мадам де Баренн. Дюрок, прошу вас...

Прометей. Ты слышала? Скорбит и Циклоп, он утратил надежду.

Первый зритель. Да это оратор с баррикады! Он забыл, где находится.

Второй зритель. Это призыв к восстанию.

Немезида. Ты зародил в них слепые желания, и в этом твое преступление.

Прометей. Я принес на землю огонь.

Немезида. Огонь гордости, он погубит народы.

Прометей. Огонь — отец ремесел и искусств, он сделал сильными людей.

Немезида. Какое смехотворное лекарство принес ты человеку от всех бед?

Прометей. Надежду.

Немезида. Бунт!

Прометей. Но бунт ведь сын надежды.

Немезида. Ты заслужил распятия как бог фальшивый и лжепророк, ты не привил покорность людям.

Аплодисменты.

Прометей. Я научил людей трудиться и бороться.

Первый зритель. Опять! Это же провокация!

Второй зритель. Призыв к убийству!

Первый зритель. Как допускают такие речи!

Прометей. Я внушил людям гордость. И если они забудут мои страдания и даже имя мое— не беда. Я дал им оружие сильное, они с ним победят.

Голос с галерки, поющий «Кармань-олу»:

Аристократов мы повесим!

Аристократов на фонарь!

Раздаются крики, свистки.

Дюррок (*высовывается из ложи, грозит галерке кулаком*). До чего дошли! Так возбуждать чернь! Я же говорил: надо запретить спектакль!

Мадам де Баренн. Сядьте, Дюрок! Пусть все идет своим чередом.

Дюрок. Объясните, мадам, чего ждут власти?

Первый зритель. Вот именно! Чего они ждут?

Второй зритель (*скандируя*). За-пре-тить! За-пре-тить!

Немезида (*дрожащим голосом*). Разве могущество богов не беспредельно?

Прометей (*громовым голосом, перекрывая нарастающий шум и крики в зале*). Я знаю: оно не вечно. Бури великие взволнуют неодолимый поток сынов моих. Плотины рухнут, силы небесные их не удержат.

Голос с галерки:

Свобода, милая свобода,
Мы здесь, защитники твои.

Матье (*подхватывая слова песни, декламирует*).

Врагам твоим мы отомстим*.

Снова шум и крики. Первый и второй зрители взбираются на сцену.

Первый зритель. Это не по роли!

Второй зритель. Мы заткнем тебе глотку!

Первый зритель. Бунтарь, мы тебе не позволим...

---

* Перевод М. Ваксмахера.

Второй зритель (*Марии-Терезе*). Ты, кукла! С удовольствием послушаю тебя наедине! (*Берет Марию-Терезу за талию, начинает кружить.*)

Мария-Тереза вырывается, бежит к кулисам.

Матье. Мария-Тереза! Остановись. Не время отступить.

Мария-Тереза останавливается. Дарьель перелезает через перила ложи, подходит к Марии-Терезе, галантно предлагает ей руку, сажает на свое место возле мадам де Баренн.

Матье. Ты уходишь к ним? Ну что ж? Мы сыграем спектакль до конца.

Первый зритель. Один хочешь сыграть все роли!

Второй зритель. С ума сошел!

Матье. Презренный! По-твоему, лучше жить на коленях? Кто платит тебе за подлость? Советь — за экую! Большого ты не стоишь. (*Хватает за горло второго зрителя и толкает. Тот падает.*) Убирайся к своим хозяевам. Вон отсюда!

Оба зрителя, пристыженные, уходят.

(*Сбрасывает парик и лохмотья, остается в блузе рабочего. Обращаясь к публике*). Неправда. Эти двое — не зрители. Нищета довела их до такого падения: за деньги срывают спектакль. Зрители в зале! Я их чувствую... там, в темноте. Вы смотрите на меня... Чего-то от меня ждете. Нет, не от меня. Я лишь бедный актер, влюбленный в свою

профессию. Она дает мне хлеб насущный и каждый вечер приводит меня сюда, к вам, к этой рампе. Она и разделяет и объединяет мечту и действительность. Вы пришли сюда из черных домов после тяжелого трудового дня. Вы шли, не замечая ни серых улиц, ни тощих детей: вы спешили сюда, как влюбленные на свидание.

Приглушенные смешки, шиканье, возгласы: «Тише!»

О, я верю, что это так. Вы ждете, вы требуете, чтобы на этой волшебной сцене, где жизнь кажется великой и прекрасной, мы нашим искусством возвысили вашу мечту о свободе. Мы доиграем трагедию. Слушайте голос освобожденного Прометея. *(Направляется к ложе.)* Идем, Мария-Тереза!

Мсье де Баренн *(преграждая ему дорогу)*. Матье, мы терпеливо слушали ваш бред. Довольно. Слушать дальше — значит стать вашим сообщником.

Матье *(пытается его отстранить)*. Мсье, я обращаюсь не к вам, а к ней, и главное, к зрителям.

Мсье де Баренн *(с саркастическим смехом)*. Ты не в себе, дружище. Сейчас потушат рампу, и ты увидишь, что зрителей нет. Зал пуст.

Матье. Неправда. Зрители...

Мсье де Баренн. Все предусмотрено. Это мои люди. Не сомневайся. Мы одни и можем говорить спокойно.

Растерянный Матье покорно садится. Входит Трувер.

Я В Л Е Н И Е IV

Те же и Жан-Батист Трувер.

Мсье де Баренн. Вот и Трувер. Добрый вечер, мой дорогой. Вас не было, и мы опасались, что вы дезертировали.

Трувер. Не в моих правилах.

Мсье де Баренн (*протягивает руку Труверу*). Поздравляю. Дали бой и проиграли, дорогой друг! (*Трувер не подает руки.*) Не хотите! Я думал, еще можно сражаться по-рыцарски.

Трувер. Я человек не вашего круга и не дерусь ради красивых ударов.

Дарьель. Связались с этим сбродом и усваиваете их манеры!

Дюрок (*раздраженно*). Какой позор!

Мадам де Баренн. Мсье, успокойтесь. Подумайте о мадемуазель Арланж.

Мария-Тереза (*слабым голосом*). О, спасибо, мадам. Я здесь ни при чем. Это дурной сон, кошмар! Мадам, ведь это только дурной сон? Жан, скажи им, я сделала все, чтобы тебя отговорить. Умоляю тебя.

Пауза.

Трувер. Это правда. Мария-Тереза протестовала. Это правда. У нас с ней нет ничего общего. (*В исступлении.*) Это правда!

Мсье де Баренн. Мадемуазель, мы не сомневались! И уважаем вас по-прежнему. Вы по-

бледнели! Надо пощадить мадемуазель Арланж. Мадам де Баренн, уведите ее.

На мгновение Мария-Тереза застывает, смотрит на Трувера, потом, рыдая, уходит с мадам де Баренн. Люк Мерлен набрасывает ей на плечи черный плащ, идет за ними.

Мсье де Баренн провожает их взглядом. Пауза.

Мсье де Баренн. Ну, Трувер, теперь убедилась? Попробовали свои силы? И проиграли все ставки. Я вас не упрекаю. Будьте настоящим игроком, как я. Вы тоже, Матье.

Матье (*вставая*). Я не знаю правил этой игры.

Мсье де Баренн (*улыбаясь*). Поговорим о делах, мсье. (*Садится, приглашает их сесть. Они продолжают стоять.*) Как хотите. Существует контракт. Вот он. С вашими подписями. До сих пор я не хотел прибегать к этому...

Дюрок. Заставьте их платить! Теперь они в наших руках.

Мсье де Баренн. Прошу вас, Дюрок. (*Труверу и Матье.*) Мне не хотелось переводить спор в столь низкий план. Но сейчас решаются судьбы отчизны.

Матье. Мы не намерены брать у вас уроки патриотизма.

Дюрок. Но вы хотите их давать! Проповедуете беспорядок и ненависть!

Трувер. Горжусь, что иду в ногу с событиями. За три дня репрессий в Париже я понял, что действовать, как прежде, уже невозможно.

Дюрок. Вы растоптали ваши обязательства, нарушили слово, вы ничего не уважаете, как эти убийцы из предместий.

Трувер. Когда моя совесть...

Дарьель. Это слишком просто! Она покрывает все преступления.

Дюрок. Совесть — мать анархии!

Мсье де Баренн. Трувер, я понимаю вашу растерянность и уважаю вашу принципиальность. Но мы не позволим мечтателям, пусть они даже так талантливы, как вы, будить низкие инстинкты черни.

Трувер. По-вашему, неприлично иметь убеждения и отстаивать их?

Мсье де Баренн. Не к лицу вам такие речи.

Дюрок. Похоже на выступление кандидата перед выборами!

Трувер. Я никогда не буду политиком.

Мсье де Баренн. Избави бог! Но запомните: театр — тоже политика. Я защищаю его от вас.

Трувер. К чему это вы...

Мсье де Баренн. А вот к чему. *(Протягивает бумагу.)*

Трувер *(прочитав ее)*. Я знал, если вам не удастся провокация в зале, вы нанесете нам этот последний удар. *(В ярости рвет документ.)*

Мсье де Баренн *(бесстрастно)*. Нет, не последний. Есть и еще. *(Передает Труверу вторую бумагу.)* Можете разорвать, но это тоже ничего не изменит.

Трувер *(прочитав)*. Все тот же шантаж! Если я выступлю публично, то осадное положение дает право меня арестовать. *(Возвращает бумагу.)* Хорошо! Я отвечаю за свои действия.

Матье (*вызывающе*). Я заранее согласен со всем, что предпримет Трувер.

Мсье де Баренн (*вставая, торжественно*). Мсье! (*Смотрит поочередно на Дарьяля и Дюрока, потом украдкой на Трувера и Матье.*) Вы понимаете мое волнение: пора кончать этот длинный и печальный спор с людьми, которыми я дорожу и которыми восхищаюсь. Трудно спорить с самим собой. (*Изображает внезапный обморок. Дарьяль и Дюрок бросаются к нему.*) Нет, мсье, я исполню свой долг, как бы тяжел он ни был.

Дюрок. Ваши друзья с вами, мсье де Баренн.

Мсье де Баренн (*с жестом признательности*.) Слишком большая опасность угрожает общему делу. Оно важнее всех нас. Колебания недопустимы.

Дюрок. Никаких колебаний.

Мсье де Баренн. Наши обязанности, пусть с болью в душе, мы выполним до конца.

Люк Мерлен вбегает с пачкой бумаг.

Мсье де Баренн (*рассерженный тем, что прервана его эффектная речь*). Кто там? Мсье Люк Мерлен? Что за шум?

Я В Л Е Н И Е V

Те же и Люк Мерлен.

Люк. Простите меня, мсье, и вы, мсье директор, но я потрясен этой новостью.

Мсье де Баренн. В чем дело?

Люк. Сейчас у входа в театр мне передали документы!

Дарьель. Ну? Какие документы?

Люк. Доказательства! Доказательства! Это невероятно!

Дюрок. Дайте сюда!

Люк (*прижимая бумаги к груди*). Нет! Как можно? Десять лет я считал его своим другом... И он ничего мне не сказал. Слышите: он все от меня скрывал!

Мсье де Баренн. Кончайте комедию. Дайте бумаги и объясните, в чем дело. (*Вырывает у Люка бумаги.*)

Люк. Протоколы собраний тайного общества. Полиция нашла их на убитом мятежнике.

Дарьель. Какое это имеет к нам отношение?

Люк. Трувер! Жан-Батист Трувер. В этих бумагах упоминается его имя.

Трувер. Мое?

Люк. Это он! Клянусь вам, здесь написано Жан-Батист Трувер.

Мсье де Баренн (*пробежав бумаги*). Ого! Это серьезнее, чем я думал.

Дюрок. Теперь все ясно! Я всегда говорил: он с ними заодно. Он замешан в грязных делах мятежников и убийц.

Трувер. Эта фальшивка нужна вам, чтоб уничтожить меня наверняка.

Матье. Такие господа, как вы, мсье де Баренн, не брезгают самой грубой полицейской стряпней.

Дюрок. Доказательства налицо! А вы еще отпираетесь, как все уголовные преступники.

Трувер. Вы можете меня уничтожить, но не пытайтесь оклеветать. Я действую открыто, как мне подсказывает совесть. Состряпали полицейскую фальшивку... Это подлость! Я требую...

Дюрок (*угрожая Труверу кулаком*). Каналья! Еще требует...

Трувер. Да, требую это расследовать и разоблачить фальсификатора.

Мсье де Баренн (*продолжая перелистывать бумаги*). В это трудно поверить... (*Труверу*.) Сейчас нельзя удовлетворить ваше требование. Есть дела поважнее.

Направляется к двери. Флора преграждает ему дорогу.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Флора.

Флора. Одну минуту. Еще не все сказано. Ваша игра мне ясна.

Дарьель. Вы думаете...

Флора. Не думаю, а вижу: подлость в ваших глазах. Отвратительно! Я присутствую, кажется, при последнем издыхании вашего заговора. Вас послали к нему (*указывает на Трувера*) не сражаться, а уничтожить его.

Дарьель делает протестующий жест.

Кому нужны ваши признания? С такими, как вы, играют наверняка, без риска ошибиться. Я знала, ваше лицемерное целомудрие непременно доведет вас до самого глубокого нравст-

венного падения! Хорошая мина при плохой игре (*изображает Дарьяля*): «Ах, вы меня плохо знаете! Я не могу!» Они вам сказали: «Хотите быть сообщником варваров?» Вы побледили и умолкли. Они знали ваш ответ заранее. И пошли дальше, приказали: «Ты нанесешь решающий удар». И пожалуйста! В префектуре сфабриковали эти бумажки, и вы велели тому иуде (*показывает на Люка*) в нужный момент принести их сюда.

Дарьяль. Как вы смеете!

Флора (*Дарьялю*). Либерал! Ты не способен даже отрицать. Не знаю, почему ты стал на колени. Но я знаю, как они этого добились. Не приду-маешь, как выбраться отсюда? (*Показывает Дарьялю на дверь*.)

Дарьяль (*Труверу*). Вы в нашей власти.

Трувер. Вы ненавидите меня: я вам напоминаю о вашем предательстве.

Дарьяль. Мы заставим вас молчать.

Трувер. Вы закрыли мне доступ в ваши газеты и театры. Но я не буду молчать. Факты слишком красноречивы.

Дарьяль. Их оцениваете не вы, а мы и наша пресса. Против этого вы бессильны.

Матье. Не учите нас! Мы знаем цену вашей правде. Она служит владельцам газет и министру внутренних дел.

Дарьяль. Презирайте власть сколько угодно. Она сильнее вас!

Трувер. Это угроза?

Дарьяль (*выведенный из себя*). Как хотите! Но запомните: без нас вы ничто. Слышите? Даже не писатель.

Трувер. Вы можете убить во мне художника, но не человека.

Дарьель (*саркастически*). Ошибаетесь! Это тоже в нашей власти. Мы изобразим вас крикливым анархистом.

Трувер. Что мне до того!

Дарьель. А ваша личная жизнь, связь с этой женщиной, потом разрыв... все это...

Трувер (*бросается на Дарьеля, хватая его за горло*). Шантажист! Подлец!

Флора (*удерживая Трувера*). Оставь. Это замечательно! Я хочу выслушать до конца.

Дарьель (*возбужденно*). Мы уничтожим вас! Сделаем вас пугалом, безумцем! Вы никогда не будете больше писать!

Трувер. Это не в вашей власти!

Дарьель. Мы сметем вас с лица земли! (*Уходит, кричит у двери.*) Не пройдет и часа, как вы обо мне услышите.

Люк и Дюрок уходят.

ЯВЛЕНИЕ VII

Трувер, Флора и Матье.

Трувер. Что же теперь?

Флора (*смеется*). Тебе нечего ждать от них.

Трувер. Рушится все, во что я верил.

Флора. Теперь ты свободен!

Трувер. Не смейся, Флора. Со вчерашнего дня я словно на краю пропасти: хватаюсь за

кусты — они вырываются с корнем. Опираюсь на камни — они сползают. Гора рушится. Какое-то безумие тянет меня к революции. Перед нею нельзя устоять. Как перед глыбой, когда она катится под гору.

Матье. Этой дорогой к нам не приходят.

Трувер. Не думай, Матье, я не бессилён! Наоборот, трудности придают мне мужества.

Матье. Этой дорогой к нам не приходят.

Трувер. Хотели меня уничтожить... Это они умеют! Так они душат искусство! Проклинаю их строй.

Матье. Этой дорогой к нам не приходят.

Трувер. Матье, умоляю, не доводи меня до отчаяния. Может быть, я неправ. Но чувства меня не обманывают. Я понимаю: с *теми* все кончается. С *вами*, даже побежденными, начинается новое. Скажи, что будет, если я не приду к вам?

Флора. Какая нелепость! Думать, что будет, если ты чего-то не сделаешь... Действуй! Вечно ищешь препятствий на своем пути! Отказ — не всегда проявление воли. Ты принимаешь свои колебания за раздумья, а противоречия — за глупину.

Трувер. Нет, Флора! Выбор сделан.

Флора уходит.

Матье. Цель еще далеко, Жан-Батист... Но мы поможем тебе. Пойдем.

Трувер. Куда?

Матье. Нельзя терять ни минуты. Здесь нас могут арестовать. Попытаемся пробраться возле

Тампля. Я живу у сестры. Ее муж — литейщик. Пойдем на его баррикаду. Мы еще поборемся!

Трувер. Видишь, Матье, в сражении все проясняется. Человек показывает свое лицо: тот — лжец, другой — низкопоклонник, а третий — трус или предатель.

Матье (*уводит его*). Твое искусство озарится светом борьбы.

Трувер. Это для меня еще тайна.

Матье. Тайна воплощения! Идем.

Занавес

ЯВЛЕНИЕ VIII

Входит Циклоп.

Циклоп (*насмешливо*). «Тайна воплощения!» Всегда красивые слова. (*Недобрый смех.*) Ах! Вы, наверное, думаете: сейчас моя добыча ускользнет от меня!.. Прометей разорвал свои цепи... Нет, мсье, не все! О, не все! Цепи на руках — может быть. Да ведь это только театральные, картонные цепи. А цепи сердца... цепи сердца... Эти цепи... Вон та малютка из первого акта... Как ее зовут? Флора? Да, Флора... По-моему, она права: у этого парня нет души. Я вижу: он просто тень или дым. Все его красивые слова — кладбище, прах мертвых верований. Настоящие трагические герои совсем иные. У них внутри всегда горит надежда на будущее. Трувер не таков. Вы мне не верите? (*Смеется.*) Ах! Он вас уже пленил, наивные! Я

же вам говорю: у него нет ни сердца, ни настоящей любви... ни настоящей борьбы. Если он умрет, его смерть будет стоить не больше, чем его жизнь. Я не говорю вам: он умрет. Ведь я об этом ничего не знаю. Тайна воплощения! Не так просто! *(Смеется.)* Конечно, раз это тайна. Он сказал «нет». Верно. На это его хватило. А дальше? Как говорят, встал по другую сторону баррикады — и все! А потом? Вы думаете, так сразу все и решается? Пошли, довольно болтать. В кузницу, Циклоп! В кузницу! Ему придется рвать еще и другие цепи, а мне ковать и ковать... Поживем — увидим! Нет, вернее, тот, кто сумеет увидеть, будет жить. Тайна воплощения... *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Комната литейщика. Слева — темный альков. В центре, на заднем плане — покосившееся окно, выходящее на улицу. Справа — яркое пламя очага освещает медный таз, где плавится свинец для пуль. Вначале действия очаг — основной источник освещения.

ЯВЛЕНИЕ I

Трувер, Матье.

Трувер. Кончается ночь. Светает...

Матье. Скоро снова начнется бой.

Трувер. Последний?

Матье. Не знаю. Свинец готов. Сестра на посту у амбразуры. Пора ей вернуться. Нужно готовить пули.

Трувер. Кончилась моя «ночь перед боем».

Матье. Не уверен...

Трувер. Ты знаешь: у меня нет пути назад. Все уже далеко, далеко. Я потерпел крушение.

М а т ь е. Пойми, революционером не становятся со злости.

Т р у в е р. Клянусь...

М а т ь е. Не надо! Если ты пришел к нам, чтоб мстить — значит, уйдешь, когда пройдет злость.

Т р у в е р. Я пошел за тобой без всяких условий.

М а т ь е. Это еще не все.

Т р у в е р. Чего же ты хочешь?

М а т ь е. Хоть раз в жизни ты чувствовал ответственность за свои поступки?

Т р у в е р. А как же! Разве булочник для себя печет хлеб? Он это делает для меня. А мои пьесы!.. Разве не для него я пишу? Я отвечаю за последствия.

М а т ь е. Вот это и есть настоящий путь. Единственный.

Т р у в е р. Но когда я беру в руки перо, все зависит только от меня.

М а т ь е. Тебе пора понять главное: другие тоже что-то значат.

Т р у в е р. Может быть, я не пойму... Но умереть я сумею.

М а т ь е. Умирать умеют те, кто умеет жить. Если ты пришел сюда красиво покончить с собой, лучше уходи.

Т р у в е р. Неужели вы еще надеетесь победить? Ваши знамена склонились над мостовыми, как мачты тонущих кораблей.

М а т ь е. Ты пришел к нам с отчаяния. А мы здесь потому, что верим...

Т р у в е р. Во что? Смерть неизбежна.

М а т ь е. ...верим, даже если это кончится смертью! Идеи, поднявшие нас, пустят ростки в сердцах других людей.

Т р у в е р. Но какой ценой?

Пауза.

М а т ь е. Когда ты решил идти к нам, ты пожертвовал многим, но не предрассудками. Тебе кажется, будто ты отрекся от своего мира. Ты еще носишь его в себе. Понимаешь? А нашим не от чего отречься: эта борьба для них источник жизни.

Т р у в е р. Но вы же сражаетесь «против»...

М а т ь е. Нет, «за»! За все хорошее, чему наша нищета мешает множиться и расти.

Где-то рядом раздаются выстрелы.

Слышишь, снова бой. Молчи. Кто-то идет.

Матье открывает дверь, Пьер ведет жену.

Моя сестра ранена! Франсуаза!

Я В Л Е Н И Е   П

Франсуаза, Пьер, Трувер и Матье.

Пьер и Матье осторожно кладут Франсуазу на кровать.
Вдалеке слышна перестрелка.

Ф р а н с у а з а. Пустяки. Пуля только задела плечо... Дайте салфетку. Вон там. Пьер, ты возвращайся. Матье, иди с ним... заменишь меня.

Матье (*Труверу*). Присмотри за ней, не оставляй ее одну.

Франсуаза. Поверьте, ничего страшного. Увидите аббата Дешана — попросите сделать мне перевязку.

Матье и Пьер уходят.

(*Труверу.*) Мсье, мы плохо вас принимаем.

Выстрелы приближаются.

Трувер. Бой разгорается. Подходит ближе...

Франсуаза. Все идет своим чередом.

Трувер. Они опьянели от крови. Их войска уже...

Франсуаза. Что войска! И без боев каждый день уносит столько жизней!.. Слышите за перегородкой ткацкий станок? Это соседка. Она и не подозревает, что через час они могут прийти и все разгромить. Тихо... Она связывает нитку. Если бы вы ее видели! Она ткет, точно молится, вся уходит в свое дело. Из ее рук выходит прекрасная ткань! Будто живая. Ее должны бы носить только счастливые люди. А ткачиха обречена на верную смерть. Ее работа хуже баррикады: сорок лет она дышит хлопковой пылью. (*Кашляет кровью, прячет лицо в носовой платок.*) А в нашем деле — свинец и ртуть. Мои легкие в таком же состоянии. У моей соседки ничего нет в жизни. Только труд. Как у паука, что ткет паутину в темном углу. Когда у нее были здоровые легкие, она

иногда пела грустную песню о траве, о солнце...
(Ее сотрясает кашель, она вытирает со лба пот,
затем напевает слабым голосом.)

Трувер. Мадам Гетре, я позову...

Франсуаза. Пусть остаются на посту. Мне уже некуда торопиться.

Трувер. Наоборот, надо поскорее...

Франсуаза (улыбаясь, протягивает ему руку). Вы не знаете календаря бедняков. Смерть неизбежна — от чахотки или на баррикаде, медленнее или быстрее. Это она отмеряет время. Есть люди, которые считают у себя каждый седой волосок и щупают пульс. У нас время отсчитывают иначе. Родился ребенок — надо занять денег на колыбель. Потом наступает день, когда их надо вернуть. А в этот день уже хоронят малютку. Так было в ту суровую зиму... Затем дни, когда били в набат в церкви Сент-Элуа и Сен-Мери: в восемьсот тридцатом, тридцать первом и тридцать четвертом годах. В нашей жизни это проблески. Виден горизонт и ясен путь. Тогда мы чувствовали счастье жизни. У нас появлялось будущее, надежда для всех. Но каждый раз мы видим наше будущее только перед дулами ружей, глядя смерти в глаза. Вам, вероятно, трудно это понять. Это вам кажется грустным. Но это не так. (Пауза.) Вы голодали когда-нибудь, мсье Трувер?

Пауза.

Кто-то идет. Шаги Пьера.

Входит Пьер.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Пьер, потом Матье.

Франсуаза. Что там, Пьер?

Пьер. Ничего, Франсуаза. Тебе сделали перевязку?

Франсуаза. Пустяки. Кровь уже не идет. Не беспокойся. Возвращайся. Там ты нужнее.

Слышны быстрые шаги по лестнице.

Пьер. Кто там?

Вбегает Матье.

Матье. Пьер, я тебя ищу. Мы захватили одного из них.

Пьер. Где?

Матье. Среди наших. Вот смотри. *(Показывает бумаги.)* У него были списки с адресами наших командиров...

Пьер. Шпик?

Матье. Да. Перепуган насмерть. Сознался во всем. С этими списками они наверняка уничтожили б нас. Привести его?

Пьер. Незачем. Расстрелять на месте.

Матье. Мы тоже так думаем. *(Уходит.)*

Трувер. Вы судите поступки, а не людей. Как будто человек и его дела — одно и то же. Вы убиваете. А разве вы — судьба или правосудие?

Пьер. Не признаю ни судьбу, ни ваше правосудие. Сейчас существует необходимость борьбы.

Трувер. Я ушел из того лагеря, чтоб закончить с необходимостью.

Пьер. Чтобы скрыться от нее. Это не одно и то же.

Трувер. Необходимость — чудовище старого мира. Судьба порождает фанатиков, провидение — инквизиторов!

Пьер. Вот мы и боремся с такой необходимостью.

Трувер. Ваша необходимость тоже жестока.

Пьер. Простите, меня ждут.

Стрельба усиливается. Пьер уходит.

Франсуаза. Необходимость! Герлену оторвало руку ленточной пилой... Гудок бумажной фабрики Бурбонов на улице Алигр каждое утро из года в год созывает рабочих, как хозяин зовет собаку. Так до самой смерти. Вот она, эта жестокая необходимость, мсье Трувер. Есть еще и такая необходимость, которая мне... *(Кашляет, голос ее затихает.)*

Пауза.

Трувер. Думаете, вам удастся ее победить?

Франсуаза. Я верю в это, как в завтрашний восход солнца, хотя уже его не увижу.

Трувер. Мадам Гетре!

Франсуаза. Не утешайте меня. Помогите тем, кто на баррикадах.

Трувер. Обагрить кровью руки!

Франсуаза. О, эти чистые руки... Еще Понтий Пилат... Больное добро лучше здорового зла. Так и революция со всеми ее болезнями — наш единственный путь.

Трувер. Я убежал с их галеры не для того, чтобы грести на вашей.

Слышен залп.

(С криком бросается к окну.) Убили. Они убили его, как собаку. Я не могу. Нет, не могу!

Тишина. Тяжелые шаги на лестнице. Входят Пьер, Матье и граф де Берни в парадной форме. На глазах у графа повязка, руки связаны за спиной.

Я В Л Е Н И Е I V

Те же, Пьер, Матье и граф де Берни.

Граф де Берни. Можете расстрелять меня. Я в ваших руках.

Пьер *(делает знак Матье снять у графа повязку с глаз и развязать ему руки)*. Расстреливать пленных не в наших правилах.

Граф де Берни. Как вам угодно. Все равно вы погибли: сто тысяч солдат окружили предместье.

Пьер. На свете есть вещи посильнее огня ваших пушек. Вы близко подошли к нашей баррикаде, даже слишком близко. Видели, из чего она сложена? Перевернутый катафалк бедняков, матрацы, на них умирали поколения несчастных... Вас это смешит? Вам не понять. Но это так. Нищета ведет восставших в бой. Вы уничтожите нас, но не уничтожите нищету! И она снова сплотит людей и бросит в бой против вас и вашего порядка.

Граф де Берни. Во имя чего вы сражаетесь? Во что вы верите?

Пьер. В то, что люди могут завоевать свободу.

Граф де Берни. Что такое свобода?

Пьер. Когда только у одного из ста есть право на жизнь, на учение, на свет солнца — это рабство.

Граф де Берни. Поэтому вы бросаете в солдат бутылки с серной кислотой?

Пьер. Да, мы берем свинец для наших пуль с ваших печатных станков и трактирных прилавков. Ваша мясорубка с военными заводами и пушками более совершенна. Ваш механизм хорошо смазан, убивает без лишнего шума. Вы называете это порядком.

Выстрелы раздаются совсем близко.

Слушайте, приближается ваш порядок!

Граф де Берни. Вы еще можете сохранить себе жизнь.

Пьер. На условиях...

Граф де Берни. Сложить оружие.

Пьер. Вернуться к прежнему рабству?

Граф де Берни. К уважению закона.

Пьер. Вашего закона.

Граф де Берни. Закон для всех один.

Пьер. Итак, медленная смерть на ваших фабриках в обмен на расстрел? Велика милость! Как преступникам жалуют вечную каторгу вместо гильотины. Мы предпочитаем сражаться.

Граф де Берни. Если сможете.

Пьер. Некому вас стеречь. Возвращаю вам шпагу. Но дайте слово не поднимать против нас оружие.

Граф де Берни. Я присягнул сражаться до тех пор, пока анархия и ваши химеры не будут уничтожены.

Пьер. Тогда идите на баррикаду — умирая, вы увидите, как умираем мы.

Хриплый крик Франсуазы.

Франсуаза!

Пьер подходит к ней, целует в лоб, закрывает ей глаза, опускается на колени. Граф де Берни опускается на одно колено, крестится. В этот момент входит аббат Дешан. Он и Трувер тоже встают на колени и крестятся. Пьер уводит графа де Берни. За ними уходит Матье. Пауза. Слышно, как идут часы. Их тиканье усиливается. Нарастает шум ткацкого станка и ружейных залпов: все звуки подчинены единому неумолимому ритму.

ЯВЛЕНИЕ V

Аббат Дешан и Трувер.

Трувер (*поднимается с колен*). Конец? Скажите, это конец?

Аббат Дешан. Для нее. (*Крестится.*) Отчаяние — смертный грех. Не оскорбляйте живых.

Трувер. Как жить дальше? С каждым шагом я отдаляюсь от самого себя. Необходимость окружает и давит нас. Где же место поэзии?

Аббат Дешан. А где место богу?.. Но мы его отстоим. Пусть даже в будущих поколениях.

Не отчаивайтесь, обратите взор к богу, и вы увидите, каким путем он шел.

Трувер. Смотрю и прихожу в ужас: юноша распят на кресте. *(С гневом.)* И вот это, по вашему, центр мироздания и сердце истории?

Аббат Дешан. Не нам дано выбирать меру вещей, она существует независимо от нас. И этой мерой нас мерят.

Трувер. Я не хочу жить. И не желаю судей.

Аббат Дешан. Вы не можете укрыться от жизни даже в вашем искусстве. Если вы свидетель событий и молчите о них, вы ренегат.

Трувер. Я не священник!

Аббат Дешан. Искусство — это взгляд на вещи. Своего рода суд. Как суд божий.

Трувер. Вот в этом и ошибка.

Аббат Дешан. Не ошибка, а грех. Грешно понимать и не судить. Но простите, меня ждут. *(Поворачивается к Франсуазе, опускается на колени, крестится.)*

Трувер. Мир погибает, а вы молитесь?

Аббат Дешан. Меня ждут.

Трувер. Мертвые?

Аббат Дешан. Да, мертвые, раненные. И живые.

Трувер. А я? Обречен на смерть, потому что меня никто не ждет?

Трувер провожает аббата до двери. Аббат Дешан уходит.
Трувер бросается к окну, открывает его.

ЯВЛЕНИЕ VI

Трувер.

В сознании Трувера смешались сцены из его трагедии и реальной действительности.

Трувер. Я жду. Придет день, предсказанный пророками. Труба архангела пробудит мертвых. *(Смеется, потом прислушивается.)* Все там. Курится ладан. Пороховой дым и кровь людей, совсем еще теплая. Дева Мария, зачавшая последнего бога, услышь меня! Я жду нового бога. Он меня освободит. Снова ты, Прометей?

С улицы доносится шум. На пороге появляется Флора.

ЯВЛЕНИЕ VII

Трувер и Флора.

Трувер. Флора? Флора, что с ними?

Флора. Все, как она *(показывает на Франсуазу)*, убиты! Я искала тебя среди мертвых... Думала, ты хоть чуточку храбр... Солдаты обшаривают каждый дом. Что ты намерен делать?

Входит офицер, кричит солдатам: «Сюда!» Флора бросается к офицеру. Он отталкивает ее.

Офицер. Нет. Сначала этого. *(Приближается к Труверу, пристально смотрит на него, узнает.)* Мсье Трувер? Писатель Жан-Батист Трувер! Вы

здесь? Простите, мсье. Понимаю, они взяли вас за ложником?

Трувер молча опускает голову.

Конечно! Все ваше творчество... и даже ваше позавчерашнее письмо о примирении — это акт, достойный уважения.

Трувер молчит.

Нам даны указания на ваш счет. Мои люди проведут вас домой.

Трувер с отвращением отступает, приближается к Флоре, словно ищет у нее защиты.

Как хотите, мсье. Вы вне опасности. В предместьях восстановлен порядок. *(Отдает честь и уходит.)*

Пауза.

Флора. О! Ты дал им такое оружие, как письмо... Пусть спокойно уничтожают восставших... Неужели ты даже пальцем не шевельнул, чтобы вырвать это письмо из их рук?

Пауза.

Ну отвечай же, отвечай!

Пауза.

Трус! Ты трус!

Трувер. Совсем не то...

Флора. И ты смеешь...

Трувер. Гораздо хуже. На секунду мне показалось, будто еще можно что-то спасти.

Флора. Что?

Трувер. Они мертвы...

Флора Они достойно жили.

Трувер. Вот об этом и надо рассказать.

Флора. Разве ты сможешь что-нибудь рассказать?

Трувер. Они побеждены? Искусство тоже. И не случайно. В этом у нас общее.

Флора. Лицемер! Опять ты отлично устроился: блуждаешь среди развалин и сокрушаешься о своих богах. Но ты их предал. И все же не уцелел. Буря несет тебя, как обломок.

Трувер. Только богу дано воплотить свою мечту.

Флора. Достаточно быть человеком, чтоб защищать правду.

Трувер. Я видел правду, а вместе с ней и счастье. Но не смог его удержать. Оно погибло.

Флора. Тебе важнее всего твое счастье.

Трувер. Жизнь кончилась, и мы, писатели, умираем вместе с ней. Гаснет свет, который мы отражали.

Флора. Ты ищешь себе оправдания в чужом поражении.

Трувер. О, я бы хотел быть среди людей... если они даже против меня...

Флора. Это ты сейчас так говоришь!

Трувер. Что же я такое? Трус? Нет, не верю. Я не боюсь смерти.

Флора. Ты боишься жизни.

Трувер. Не знаю... Не знаю! Может быть, я лгал самому себе? Ведь я хотел наполнить свою жизнь правдой!

Флора. Объясняя мир, изображая людей, ты всегда обращался лишь к самому себе. А ты по-

пробуй поставить себя на место других, посмотреть вокруг их глазами... Сразу все меняется. Ты уже не центр мироздания, как те, кто пишет историю. Ты должен быть среди масс, творящих ее. Вот тогда ты будешь твердо стоять на ногах.

Трувер. Ты меня слышишь. Разве ты понимаешь язык мертвых?

Флора. Думай о живых и говори, как они. Ты не Прометей! Да, теперь царит хаос. Но не нужно отчаиваться. Поднялись новые силы, они его преодолеют. Чего не сделал ты, свершат другие.

Трувер. Уходи! В твоих словах сияет свет... Он ослепляет меня... Я не вынесу... Уходи!

Флора. Прощай. (*Уходит.*)

Я В Л Е Н И Е VIII

Трувер галлюцинирует. Слышна музыка.

Трувер (*приближаясь к телу Франсуазы*). О, этот свет! Она ушла... Но свет остается. О! Мои глаза. (*Отступает.*) Какие отблески вокруг! Прочь! Вы не уходите? Не можете уйти! Я вас впервые вижу... Слишком поздно!

Пауза.

Где же мои руки? Руки могильщика в холодной липкой глине. Отрезанные руки. С них стекает черная кровь. Это суд мертвых, когда нет больше рук! У меня открылись глаза. Меня окружает живое. Оно только начинает жить. Вот она, реальность, похожая на мои мечты. Неужели я схожу

с ума? Нет! Не хочу! Наступит день, когда реальность и мечта сольются не только в безумии. *(Прикладывает ухо к двери.)* Шепчутся там за дверью. Шаги. Идут ко мне. Чьи-то руки шарят, ищут вдоль стен. Сжимают меня. Душат! *(Хватается руками за горло.)* Я знаю, меня душит все, что я не сумел сказать при жизни. *(Умоляюще.)* Не могу...

Пауза.

Виноват только я! Не они...

На часах кричит кукушка.

Часы кричат. Каждый час меня обвиняет. Часы бедняков... Простите! *(Становится на колени.)* Не добивайте меня...

Пауза.

Они там... эти часы, голодные, как собаки. Мне страшно, когда я замолкаю. Я не могу умолкнуть! Меня душат. Я задыхаюсь.

Порыв ветра распахивает окно настежь.

(Вскакивает.) Что? Чего вы хотите? Я же пошел навстречу потоку. Но, услышав его рокот, в страхе остановился. Видите! Что-то сверкает между небом и нами. *(Пауза.)* Я долго блуждал. Глядел на солнце, воду, огонь, горы, в лица людей и не видел их. А сейчас я вижу словно во сне. *(Обернувшись к двери.)* Кто там? Я знаю, кто-то вошел! Входит что-то неизвестное. Это люди идут на штурм! Смотрите! Хлынул поток. *(В ужасе отступает.)* Вон там крест, он манит меня! Как пуб-

личная девка! Нет! Нет! Возвращайся на кладбище, в непристойность смерти!

Пауза. Трувер успокаивается.

Звезды исчезли. В небесной пустыне ничего нет. Встает солнце. *(Поднимает руки к небу)*. Его лучи лижут мне руки горячими языками. Не хочу умирать в эту ночь. Я слышу, идут там, вдали... Это опавшие листья? Нет! Это ветер? Нет, это идут живые люди. Слышите шаги? Это идет человек. Он еще далеко. *(Пауза.)* Видите, как растут леса? Мутные воды стекают с гор. И закипают ключом, бросаясь в бурные волны. Из кровавых борозд всходят золотые хлеба. Непобедим род Прометей! Жизнь. Слава великому дню! Он не должен кончиться. *(Внезапно повернувшись к Франсуазе.)* Кто сказал: «Идем с нами?» Кто вы, зовущие меня? *(Осторожно подходит и склоняется над ней.)* Губы ее шевелятся, словно во сне она говорит о том, что ей дорого. Я не Прометей? Знаю. Есть еще более тяжкие цепи. Это не мои цепи? Дай мне твои. Они освободят меня. Слышишь, дай! *(Трясет труп.)* Не хочешь... Я предал тебя, Прометей! Почему ты не хочешь? Почему? Почему? *(Падает на труп и рыдает.)*

Голос Франсуазы *(издалека)*. Чтобы все началось...

Занавес

Июль 1957

Роже Гароди

ПРОМЕТЕЙ 1848 ГОДА

Редактор *Е. В. Орлова*

Художник *Ф. И. Лейн*

Художественный ред. *В. Я. Быкова*

Технический ред. *Ф. Х. Джатиева*

Корректор *П. С. Лейвич*

Сдано в производство 4/X 1960 г.

Подписано к печати 7/IV 1961 г.

Бумага 70×108½ — 1,6 бум. л. печ. л. 4,4

Уч.-изд. л. 3,4. Изд. № 12/3989.

Цена 17 коп. Зак. 411.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Москва, 1-й Рижский пер., 2

Типография журнала „Пограничник“

Цена 17 коп.

7-8